

Первыя церковно-реформаторскія дѣйствія патриарха Никона.

Вступленіе Никона на патриаршую кафедру Онъ разрываетъ свои прежнія близкія отношенія къ провинціальнымъ ревнителямъ Причины и ближайшія послѣдствія этого поступка Никона. Первое реформаторское дѣйствіе Никона: распоряженіе его о поклонахъ и перстосложеніи. Протестъ противъ этого распоряженія со стороны провинціальныхъ ревнителей благочестія. Расправа съ ними Никона Дѣйствительныя отношенія между Никонѣмъ патриархѣмъ и царскимъ духовникомъ протопопомъ Стефанѣмъ Воиফатьевичемъ. Соборъ 1654 года, уполномочивавшій Никона произвести книжныя исправленія. Впечатлѣніе, произведенное соборѣмъ 1654 года на русское общество. Слабыя стороны собора 1654 года

15 апрѣля 1652 года умеръ патриархъ Іосифъ. Преемникъ ему уже ранѣе былъ предопредѣленъ царемъ и его духовникомъ, протопопомъ Стефанѣмъ Воифатьевичемъ. Это былъ новгородскій митрополитъ Никонъ, который въ то время возвращался изъ Соловецкаго монастыря въ Москву съ мощами св. митрополита Филиппа. Царь, извѣщая Никона о смерти п. Іосифа, писалъ ему: „возвращайся, Господа ради, поскорѣ къ намъ, обирать на патриаршество именемъ Θεогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся... ты, владыко святыи, помолись... чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто ему Свѣту годенъ, имя вышесписанное, а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человекъ вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный“ ¹⁾.

Съ другой стороны и члены кружка ревнителей благочестія сильно были заинтересованы вопросомъ, кого избрать пат-

¹⁾ Ак. эк. IV, № 57.

ріархомъ на мѣсто умершаго Іосифа, такъ какъ они, благодаря Стефану Вонифатьевичу, уже привыкли вмѣшиваться въ дѣла по замѣщенію разныхъ іераршихъ каѳедръ. Того обстоятельства, что вопросъ о новомъ патріархѣ уже давно и окончательно былъ рѣшенъ царемъ и Стефаномъ Вонифатьевичемъ, они совсѣмъ не знали, а потому считали себя призванными позаботиться о выборѣ преемника Іосифу. Естественно, что они пожелали имѣть патріархомъ одного изъ членовъ своего кружка. Самымъ лучшимъ, казалось имъ, избрать патріархомъ главу и патрона кружка—Стефана Вонифатьевича. Но, какъ и слѣдовало ожидать, Стефанъ рѣшительно уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, и указалъ своимъ друзьямъ на Никона, какъ на самаго подходящаго кандидата въ патріархи. Они согласились съ Стефаномъ и подали царю челобитную о Никонѣ, такъ какъ по ихъ тогдашнему мнѣнію, послѣ отказа Стефана, Никонъ былъ самымъ подходящимъ и желаннымъ лицомъ для занятія патріаршей каѳедры ¹⁾.

Никонъ принадлежалъ къ кружку ревнителей благочестія, былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ его членовъ, находился какъ къ Стефану, такъ и къ другимъ ревнителямъ, въ близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Вло-

¹⁾ Какъ и при какихъ условіяхъ произошло избраніе Никона въ патріархи и какую роль въ этомъ дѣлѣ играли ревнители, объ этомъ Аввакумъ сообщаетъ слѣдующее: „Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловокъ Филиппа митрополита. А прежде его пріѣзду, духовникъ Стефанъ моля Бога и постясь седмицу съ братією, и Я съ ними тутъ же, о патріархѣ, да дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ. И съ митрополитомъ Казанскимъ Корнилиемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ. Егда же пріѣхалъ (Никонъ изъ Соловокъ) съ нами яко лисъ челомъ да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ и что бы откуля помѣшка какова не учинилась“. Въ другомъ мѣстѣ Аввакумъ говоритъ о томъ же: „въ лѣта 7160 году, іюня въ день, по пущенію Божію вкрался на престолъ патріаршескій бывший попь Никита Миничъ, въ чернцахъ Никонъ, оболѣста святую душу протопопа духовника царева Стефана, являлся ему яко ангель, внутрь сый дьяволъ Протопопъ же увѣща царя и царицу, да поставятъ Никона на Іосифово мѣсто. И азъ окаянной о благочестивомъ патріархѣ къ челобитной приписалъ свою руку; ано врага выпросили и бѣду на свою шею“. (Матер. для ист. раск т V, стр. 17. 261—262)

слѣдствіи Нероновъ говорилъ Никону, уже патріарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ. А которые боголюбцы посланы государемъ блаженные памяти ко Іосифу патріарху, чтобъ ему поставить, по его государеву совѣту, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: неаксіось, сирѣчь недостойнѣ. Тогда у тебя вси непорочниі были, а нынѣ у тебя тѣ же люди недостойниі стали.... Доселѣ ты другъ нашъ былъ—на насъ восталъ“. Въ письмѣ къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря Нероновъ жалуется, что онъ и братія страдаютъ теперь „но древле отъ любимаго нами по Бозѣ, нынѣ же честь взяша и перемѣнишася“. Игумень Θεоктистъ въ письмѣ къ Стефану Вонифатьевичу говоритъ, что „братія“ страдаетъ теперь „не отъ врага, по Бозѣ отъ отца и отъ любезнаго намъ древле зѣло, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, жестока бывша къ намъ и горка зѣло дотолика, яко и смерть у кождо насъ предъ очима“¹⁾. Сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, Никонъ дѣятельно и энергично осуществлялъ въ своей епархіи идеи ревнителѣй и поддерживалъ съ ними, особенно со Стефаномъ, прежнія близкія дружескія отношенія. Такъ, отправляясь на Соловки за мощами св. митрополита Филиппа, Никонъ поднесъ въ даръ Стефану дорогую шапку для церковнаго служенія²⁾. Въ росписи книгъ и писемъ, взятыхъ при обыскѣ у игумена Θεоктиста въ Вяткѣ, между прочимъ значится: „отписка преосвященнаго Никона митрополита новгородскаго къ духовнику Стефану Нифантьевичу, ево руки, на трехъ столбцахъ“, изъ чего можно заключить, что Никонъ, сдѣлавшись новгородскимъ митрополитомъ, находился въ перепискѣ съ Стефаномъ³⁾. Даже по возвращеніи

1) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 47, 82, 110

2) Временникъ моск. Общ. Ист. и Древн. кн. XIII, стр. 32

3) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 331—332.

своемъ изъ Соловецкаго монастыря, когда Никонъ уже хорошо зналъ, что царь предназначилъ его въ патріархи, онъ послѣшилъ явиться, по свидѣтельству Аввакума, къ Стефану и другимъ ревнителямъ съ поклономъ и ласками, будто бы въ тѣхъ видахъ, чтобы снова подтвердить свою полную солидарность съ кружкомъ ревнителей и не встрѣтить съ ихъ стороны какой либо помѣхи въ достиженіи имъ патріаршества.

Несомнѣнно, что кружекъ ревнителей благочестія, выставя Никона кандидатомъ въ патріархи, видѣлъ въ немъ не только своего личнаго друга, но и человѣка, казалось ему, вполне раздѣлявшаго всѣ взгляды и убѣжденія ревнителей. Нероновъ говорилъ впоследствии Никону патріарху: „святитель, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ приемишь, благовѣрны и благочестивы тѣхъ родители нарицаешь, а прежде сего у тебя же слышали, что многожды ты говаривалъ: гречане де и малые Росіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ де нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилось и благочестія ни мало“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Неронова очевидно, что ревнители видѣли въ Никонѣ, до его патріаршества, человѣка ихъ убѣжденій и воззрѣній, и потому не имѣли никакихъ особыхъ причинъ противиться кандидатурѣ Никона, на котораго къ тому же указывалъ самъ Стефанъ. Съ избраніемъ Никона у ревнителей даже соединялись особыя надежды: они рассчитывали при немъ играть болѣе видную и дѣятельную роль въ церковныхъ дѣлахъ, нежели какую они играли при Юсифѣ, такъ какъ видѣли въ Никонѣ не врага, а своего друга, единомышленника и даже свою креатуру. Впоследствии игумень Теокистъ писалъ Стефану Воиফатьевичу, что ревнители желали бы видѣть его своимъ отцомъ и учителемъ въ вѣрѣ, т. е. патріархомъ на мѣсто Никона, такъ какъ они ожидаютъ отъ него, что онъ будетъ строить миръ церкви „внимая прилежно отца Іоанна (Неронова) глаголомъ“. Конечно и отъ Никона ревнители ожидали прилежнаго вниманія глаголамъ отца Іоанна и другихъ братій. Но провинціальнымъ ревнителямъ пришлось скоро и горько разочаро-

¹⁾ Ibid. стр 150.

ваться въ своемъ бывшемъ другѣ, единомышленникѣ и избранникѣ въ патріархи, на котораго они возлагали столько надеждъ. Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно и рѣзко порвалъ всѣ прежнія связи съ провинціальными ревнителями, и даже сталъ къ нимъ прямо во враждебныя отношенія.

Никонъ въ послѣднее время окончательно примкнулъ во взглядѣ на характеръ предстоящей церковной реформы къ программѣ царя и Стефана и, конечно, обязался предъ ними держаться ее и выполнить по своемъ вступленіи на патріаршій престолъ, причемъ царь и Стефанъ должны были служить ему опорой и поддержкою въ этой его дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ кружекъ провинціальныхъ ревнителей, иначе понимавшей и представлявшей себѣ задачи предстоящей церковной реформы, былъ теперь для Никона не только не нуженъ, но еще стѣснялъ его, мѣшалъ ему своими притязаніями, своимъ безпокойнымъ стремленіемъ вмѣшиваться во всѣ церковныя дѣла и направлять ихъ сообразно своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ. Кромѣ того: уже по самому своему характеру Никонъ не терпѣлъ ничего, что не подчинялось ему безусловно, не терпѣлъ ни малѣйшаго ограниченія своего самовластия, не выносилъ никакого противорѣчія себѣ. Онъ хотѣлъ быть патріархомъ на всей своей волѣ: ни царь, ни бояре, никто не долженъ былъ вмѣшиваться въ его патріаршую дѣятельность, всѣ обязаны были беспрекословно исполнять его архипастырскія распоряженія. Недаромъ Никонъ, вступая на патріаршую кафедру, заставилъ публично умолять себя царя, бояръ и весь народъ, недаромъ онъ взялъ съ нихъ клятву, что всѣ они и во всемъ беспрекословно будутъ слушаться своего новаго отца и архипастыря. Онъ видѣлъ, въ какое жалкое, прямо унижительное положеніе поставилъ кружекъ ревнителей (впрочемъ не безъ участія и самаго Никона) предшественника его патріарха Іосифа, какъ кружекъ вершилъ разныя церковныя дѣла, не обращая вниманія на безсильнаго, публично оскорбляемаго имъ патріарха. Съ Никономъ этого не случится: онъ будетъ крѣпко стоять во всеоружіи патріаршей власти, высоко надъ всѣми подниметъ ея знамя, такъ униженное при его предшественникѣ, онъ поставитъ ее рядомъ съ властію самаго великаго государя, и даже его заставитъ покориться ему—

патріарху во всѣхъ духовныхъ и церковныхъ дѣлахъ. Отнынѣ всѣми церковными дѣлами будетъ управлять только онъ, святѣйшій Никонъ патріархъ; отъ него, какъ главы церкви, будетъ исходить вся власть, всѣ церковныя распоряженія; всякій иной источникъ власти, всякое иное движеніе, не исходящее отъ него патріарха, онъ вырветъ съ корнемъ; его архипастырской волѣ не будутъ противиться даже самъ царь и бояре—они публично клялись ему въ этомъ. Очевидно при Никонѣ патріархѣ кружку ревнителей, съ его притязаніями заправлять и руководить всѣми церковными дѣлами, не было мѣста.

Но, съ другой стороны, и ревнители, согласившись на избраніе Никона патріархомъ, вовсе не думали вмѣстѣ съ этимъ устранить отъ дѣлъ, отказаться отъ руководящей роли въ церковныхъ дѣлахъ, отъ пріобрѣтеннаго ими ранѣе общественнаго значенія и вліянія. Напротивъ, они рассчитывали, съ восшествіемъ Никона на патріаршую кафедру, играть еще болѣе видную и дѣятельную роль, думали быть при Никонѣ душою и главными дѣятелями въ управленіи церковными дѣлами. Понятно теперь, какъ должны были ревнители, мнившіе подъ рукою Никона вершить всѣ церковныя дѣла, отнестись къ своему бывшему другу, единомышленнику, когда онъ, сдѣлавшись патріархомъ, не только не сталъ совѣтоваться съ ними, но даже пересталъ пускать ихъ и въ крестовую! Понятно, какое озлобленіе, какую страстную, непримиримую ненависть должны были почувствовать къ Никону особенно болѣе пылкіе члены кружка, почему они до конца жизни имѣли о нравственномъ характерѣ Никона самое нелестное представленіе, почему они никогда уже болѣе не вѣрили ему и во всей его дѣятельности видѣли одно только дурное, подъ всѣ его поступки подкладывали всегда самыя нечистые и низкіе мотивы. Понятно также, что ревнители вовсе не думали мириться съ тѣмъ опальнымъ положеніемъ, на которое такъ для нихъ неожиданно осудилъ ихъ бывший ихъ другъ и единомышленникъ, понятно, что они не хотѣли сойти со сцены молча, не хотѣли безъ борьбы поступиться своимъ прежнимъ очень виднымъ, почетнымъ и вліятельнымъ положеніемъ. Ранѣе ревнители боролись, и довольно успѣшно, съ патріархомъ Іосифомъ, ничто не препятствовало имъ вступить въ борьбу и съ преемни-

комъ Иосифа. Царь по прежнему хорошо относился къ ревнителямъ, въ самой царской семьѣ они пользовались уваженіемъ и вліяніемъ ¹⁾, связи ихъ съ знатными боярскими домами были обширны и крѣпки, члены кружка были тѣсно сплочены и готовы всячески постоять другъ за друга, во главѣ ихъ по прежнему стоялъ сильный и вліятельный царскій духовникъ, во всемъ и вполнѣ, казалось имъ, солидарный съ ними. И по самому характеру своихъ членовъ кружекъ ревнителей не былъ способенъ остаться въ спокойномъ, выжидательномъ положеніи, онъ уже ранѣе привыкъ дѣйствовать, бороться, обличать, привыкъ о всемъ говорить публично, всенародно. И кружекъ дѣйствительно заговорилъ по своему обычаю не стѣсняясь, рѣзко и очень обидно для новаго патріарха: недаромъ же въ похвалу членамъ кружка ставилось то, что они говорили „не обинующася лицъ сильныхъ, по пророку Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася“. А между тѣмъ Никонъ вовсе не принадлежалъ къ числу такихъ лицъ, которыя спокойно выслушиваютъ отъ другихъ разныя обличенія и назиданія и относятся къ нимъ спокойно и равнодушно.

Такъ естественно и необходимо, въ силу особенностей характера Никона и ревнителей, въ силу ихъ предшествующихъ личныхъ отношеній, должна была между ними произойти борьба. Но если бы эта борьба происходила, какъ въ некоторые думали, только на почвѣ однихъ личныхъ отношеній, если бы они боролись только изъ-за власти и вліянія, если бы между ними только рѣшался вопросъ о томъ: кто будетъ въ дѣйствительности управлять дѣлами русской церкви: Никонъ или кружекъ ревнителей; то эта борьба не имѣла бы никакого особеннаго важнаго значенія для всей русской церкви и всего народа, не вышла бы изъ границъ обыкновенной придворной интриги, не перешла бы въ народъ, не вызвала бы раскола въ русской церкви. Если же

1) Священникъ московскаго Казанскаго собора Иванъ Даниловъ въ 1653 г писалъ Неронову въ Спасокаменный монастырь слѣдующее: „и безъ тебя государь, не одинаго намъ корму не было; а побили челомъ Аннѣ Михайловнѣ (сестрѣ государя) о кормахъ, чтобы печаловалася о насъ; и она сказала: и впредь де не будетъ вамъ ничево, молилися де, да и вымолили Ивана Неронова вонъ“. (Матер. для ист раск т I, стр 32—33).

случилось совершенно противное, то, значитъ, борьба ревнителѣ съ Никономъ далеко не исчерпывалось ихъ личными только отношеніями, а имѣла подъ собою болѣе глубокую и широкую основу, которая создала возможность перенести эту борьбу изъ узкой сфѣры столкновеній дворцовыхъ партій на широкую арену народной борьбы, народнаго дѣла, которая дала возможность заинтересовать въ ней и знатнаго книжнаго аристократа, и простаго грамотнаго крестьянина, и архіерея и убогаго инока,—словомъ, лицъ всѣхъ ранговъ, общественныхъ положеній и состояній. Эта борьба уже давно пережила не только ея первыхъ зачинщиковъ и ихъ ближайшихъ послѣдователей, но и цѣлый рядъ послѣдующихъ поколѣній, а между тѣмъ она не прекратилась, она съ полной силой продолжается и доселѣ, и мы сами, отдѣленные отъ начала борьбы вѣками, волей-неволей являемся, такъ или иначе, ея активными участниками и продолжателями. Ясное дѣло, что видѣть начало и причину этой вѣковой борьбы только въ личныхъ отношеніяхъ, объяснять ея возникновеніе только личными счетами начавшихъ борьбу, значитъ заключеніе выводить не изъ надлежащихъ посылокъ.

Никонъ, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшительно порвалъ не только свои прежнія, очень близкія связи съ ревнителями, сталъ къ нимъ во враждебныя отношенія, лишивъ ихъ прежняго вліянія на дѣла церковныя, но вмѣстѣ съ этимъ онъ отрицательно и враждебно отнесся и къ тѣмъ воззрѣніямъ и идеаламъ, представителями и дѣтельными поборниками которыхъ были провинціальныя ревнители. Разрывъ между ними и Никономъ шелъ, значитъ, съ самаго начала, гораздо дальше простыхъ личныхъ счетовъ и столкновеній: это былъ разрывъ лицъ рѣшительно разошедшихся между собою во взглядахъ и убѣжденіяхъ, разрывъ лицъ, одинаково желавшихъ и стремившихся къ реформѣ въ наличныхъ порядкахъ русской церкви, но совершенно различно понимавшихъ исходную точку, задачи, цѣли и объемъ реформы, способы и средства, которыми она должна быть проведена. Въ этомъ различіи собственно и заключается вся важная и серьезная сторона столкновенія Никона съ кружкомъ провинціальныхъ ревнителѣ, здѣсь именно лежали причины, придавшія борьбѣ Никона съ ревнителями широ-

кій народный характеръ, вызвавшій и распространившій въ русской церкви расколъ. Въ борьбѣ Никона съ провинціальными ревнителями рѣшался, впрочемъ, не одинъ только церковный, но и въ высшей степени важный для всей послѣдующей русской жизни общественно-культурный вопросъ: останется ли Русь при своихъ старыхъ идеалахъ, возрѣніяхъ, задачахъ и цѣляхъ, какъ они опредѣлились у насъ подъ вліяніемъ Флорентійской уніи и паденія Константинополя; или же русское общество уже выросло изъ того платья, которое было шито ему по мѣркѣ книжниковъ конца XV и первой половины XVI вѣка? Побѣда Никона означала бы отреченіе отъ прошлаго, съ его особыми своеобразными идеалами, цѣлями и стремленіями, означала бы признаніе самимъ русскимъ обществомъ несостоятельности его прежней жизни, необходимости ея реформы, перестройки на новыхъ началахъ, въ виду инаго пониманія ея задачъ и цѣлей. Напротивъ побѣда провинціального кружка ревнителей благочестія надъ Никономъ показала бы, что прежнія устои и основы русской жизни стоятъ еще прочно и крѣпко, что русская жизнь вовсе не нуждается въ какихъ-либо коренныхъ реформахъ, въ новыхъ путяхъ, въ всестороннемъ обновленіи, а будетъ продолжаться по прежнему, будетъ держаться за прежнія идеалы и весь связанный съ ними строй понятій и дѣйствій. Въ такомъ или иномъ рѣшеніи этихъ вопросовъ, повторимъ, и заключался весь смыслъ, все великое для послѣдующей русской жизни значеніе ожесточенной, страстной, обостренной личными отношеніями, борьбы между Никономъ патріархомъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія.

25 іюля 1652 года Никонъ былъ поставленъ въ патріархи, и уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ между нимъ и кружкомъ провинціальныхъ ревнителей благочестія произошло открытое столкновеніе по поводу слѣдующаго распоряженія Никона, которое онъ разослалъ по всѣмъ московскимъ церквамъ, предъ наступленіемъ великаго поста 1653 года: „по преданію св. Апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя бы персты есте крестились“.

Это неожиданное единоличное распоряженіе новаго патріарха, покушавшееся измѣнить старый привычный церковный

чинъ и обрядъ, распоряженіе ничѣмъ немотивированное, должно было крайне смутить совѣсть всѣхъ благочестивыхъ людей, воспитанныхъ въ преданности наличнымъ церковнымъ чинамъ и обрядамъ, не допускавшихъ и мысли, чтобы въ нихъ нужны и возможны были какія-либо измѣненія и передѣлки. Тѣмъ болѣе должны были многіе смутиться по поводу неожиданнаго распоряженія Никона, что у русскихъ существовало прямое и вполне опредѣленное относительно перстосложенія для крестнаго знаменія постановленіе Стоглаваго собора: „иже кто не знаменается двѣма персты, яко же и Христось, да есть проклять“. Въ виду такого постановленія Стоглаваго собора, имѣвшаго тогда для всѣхъ обязательную силу, первое реформаторское дѣйствіе Никона необходимо ставило всякаго благочестиваго русскаго челоувѣка въ очень затруднительное положеніе: подчиниться распоряженію своего новаго архипастыря,—значило пренебречь яснымъ и опредѣленнымъ соборнымъ постановленіемъ, значило подвергнуть себя страшной соборной клятвѣ; остаться вѣрнымъ соборному постановленію,—значило явиться ослушникомъ своего архипастыря, который уже ранѣе связалъ всѣхъ клятвою—безпрекословно исполнять всѣ его архипастырскія распоряженія.

Особенно сильное впечатлѣніе распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи должно было произвести въ кружкѣ ревнителѣй, для которыхъ оно имѣло и особенное значеніе. До сихъ поръ церковные вопросы и предполагаемыя церковныя реформы и обсуждались въ средѣ кружка и имъ приводились въ исполненіе. Теперь Никонъ единолично дѣлаетъ важныя церковныя распоряженія, не спрашиваясь и не совѣтуясь съ своими друзьями, чѣмъ ясно даетъ понять кружку, что его роль совѣтника и руководителя по церковнымъ дѣламъ уже кончилась, что всѣми церковными дѣлами теперь будетъ управлять не кружокъ ревнителѣй, а только одна воля и благоусмотрѣніе его, Никона патріарха. Конечно не безъ цѣли Никонъ послалъ свое распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи прежде всего въ Казанскій соборъ къ Неронову—онъ хотѣлъ, очевидно, посмотрѣть, какъ кружокъ отнесется къ его единоличнымъ церковнымъ патріаршимъ распоряженіямъ. Кружокъ хорошо понялъ относящій къ нему смыслъ распоряженія Никона, понялъ, что

Никонъ открыто и рѣшительно объявляетъ ему войну. Протопопъ Аввакумъ говоритъ, что когда получено было распоряженіе Никона, „мы же задумались, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хочеть быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ,—седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія! Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; то же Коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследокъ огнемъ сжегъ въ Новгородскихъ предѣлахъ; потомъ—Даніилу, Костромскому протопопу; то же сказалъ и всей братіи“¹⁾.

Предчувствіе кружка, что для него наступаетъ зима, время страданій, скоро вполне оправдалось. Въ настоящемъ его положеніи для кружка возможны были два исхода: безусловное подчиненіе новому патріарху и всѣмъ его распоряженіямъ, съ оставленіемъ всякой мысли о прежней выдающейся роли въ церковныхъ дѣлахъ: или—открытая борьба съ Никономъ, чловѣкомъ рѣшительнымъ, крутымъ, и при этомъ, крайне сильнымъ, такъ какъ за него стоялъ самъ царь. Кружекъ, какъ и слѣдовало ожидать, избралъ послѣднее. Онъ всегда считалъ себя на стражѣ истиннаго благочестія, былъ его всегдашнимъ присяжнымъ ревнителемъ и поборникомъ, члены кружка тѣмъ именно и славились, что они, „ревность велію имуще по Бозѣ“, не боялись смѣло выступать на обличенія лицъ сильныхъ и даже, „по зро року Давиду, предъ цари глаголюща и не стыдящася“. Именно борьба съ нечестіемъ, публичныя обличенія другихъ за уклоненіе отъ существующихъ церковныхъ уставовъ и постановленій, составляло, такъ сказать, специальную профессию членовъ кружка, создавшую имъ и громкую извѣстность и очень видное общественное положеніе. Единоличное, ни чѣмъ повидимому неоправдываемое распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, давало имъ прекрасный случай выступить въ привычной, и прежде очень благодарной для нихъ, роли обличителей и порицателей нечестія Никона, который къ тому же пересталъ пускать своихъ недавнихъ друзей и „въ крестовую“. Въ опроверженіе распоряженія Никона членами кружка немедленно составлена была за-

1) Мат. для ист. раскола т. V, стр 13

писки о поклонахъ и перстосложеніи. и подана государю, но тотъ, какъ догадывается Аввакумъ, передалъ ее Никону. Нельзя сказать, чтобы первое реформаторское дѣйствіе Никона—отмѣна стараго двоеперстія и распоряженіе о поклонахъ—было выбрано имъ удачно, выполнѣ достаточно соображено съ возрѣніями и понятіями того общества, въ которомъ Никону приходилось дѣйствовать. Никонъ началъ свою церковную реформу тѣмъ, что сразу, съ перваго же шага, безъ всякой подготовки къ тому общества, затронулъ ранѣ всѣми признаваемый церковный обрядъ и чинъ, т. е. ту именно область, на которой по преимуществу воспиталось религиозное чувство русскаго народа, и которая поэтому была особенно близка ему, дорога и священна въ его глазахъ. Русскіе, которымъ недоступны были наука и образованіе, а вмѣстѣ съ этимъ возможность теоретическаго усвоенія системы христіанскаго вѣроученія внѣ обряда, по необходимости сосредоточили свое вниманіе на внѣшней обрядовой сторонѣ христіанства, которая, какъ наглядное выраженіе отвлеченныхъ истинъ, была ближе и понятнѣе для простаго, необразованнаго народа, мало способнаго къ отвлеченному мышленію. Обрядъ такимъ образомъ естественно выступалъ на первый планъ въ христіанской жизни русскихъ: не отъ вѣроученія переходили они къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ: они начинали прежде всего съ обряда, и уже чрезъ обрядъ и при его посредствѣ приходили къ усвоенію и пониманію самаго ученія, такъ что русскихъ воспитывалъ и училъ христіанству прежде всего опредѣленный обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христіанства. На самый обрядъ и его значеніе, по историческимъ обстоятельствамъ своей жизни, русскіе смотрѣли значительно иначе, чѣмъ на примѣръ греки. Греческая церковь, отправляясь отъ ученія Христа и апостоловъ, въ теченіи своей исторической жизни выработала у себя, на основаніи этого ученія, цѣлую систему обрядовъ, которыми она выразила внѣшнимъ образомъ содержимое ея ученіе и свое пониманіе его за различное время. Понятно что она, какъ создавшая православный обрядъ, хорошо знала его происхожденіе, его отношеніе къ вѣроученію, его истинное значеніе въ христіанской жизни. Къ русскимъ обрядъ перешелъ уже готовый, въ существенныхъ чертахъ

вполнѣ сформировавшійся и законченный; процессъ его историческаго происхожденія и постепенной выработки остался для нихъ совершенно неизвѣстнымъ, почему они приписали ему одинаковое происхожденіе и значеніе съ самымъ вѣроученіемъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ для значительнаго большинства русскихъ обрядъ былъ тоже, что и вѣроученіе; онъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и вѣроученіе. Измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, значило тоже, что измѣнить вѣроученіе; иной обрядъ указывалъ на иное ученіе, разность въ обрядѣ указывала и на разность въ ученіи, а не на иную только внѣшнюю форму его выраженія, такъ что русскій не ученіемъ повѣрялъ обрядъ, но обрядомъ ученіе; всякій держащійся иного обряда былъ въ его представленіи иновѣрующій, ибо правый обрядъ повсюду единъ, какъ едино повсюду правое вѣроученіе. При этомъ большинство русскихъ искренно и твердо было убѣждено, что правый обрядъ во всей его чистотѣ и первоначальной неизмѣнности сохранился только у нихъ однихъ, тогда какъ у современныхъ грековъ, и у другихъ восточныхъ православныхъ христіанъ, онъ уже нѣсколько видоизмѣнился, воспринялъ въ себя нѣкоторыя новшества. Въ виду подобнаго отношенія русскихъ къ обряду понятнымъ становится, какъ опасно было затрагивать именно эту неприкосновенную и завѣтную для религіознаго чувства русскихъ область ихъ вѣковыхъ вѣрованій, понятно, какого осторожнаго и бережнаго отношенія требовалъ къ себѣ обрядъ со стороны каждаго. А между тѣмъ Никонъ, только что успѣвшій войти на патріаршую кафедру, сейчасъ же, безъ всякихъ разъясненій и оправданій, безъ всякой предварительной подготовки къ тому обществу, единолично своимъ распоряженіемъ измѣняетъ вѣковой обрядъ, всѣми признаваемый доселѣ за правый, недопускающій никакихъ перемѣнъ.

Но этого мало. Никонъ, по непонятнымъ для большинства причинамъ, измѣняетъ тотъ именно обрядъ, который постоянно употребляется каждымъ православнымъ христіаниномъ, и неизмѣняемость котораго была утверждена и ограждена клятвою Стоглаваго собора, вслѣдствіе чего Никонъ, въ мнѣніи большинства общества, необходимо долженъ былъ явиться противникомъ такихъ соборныхъ постановленій, ко-

торыя въ то время для всѣхъ считались обязательными, и ни съ чьей еще стороны не возбуждали сомнѣній,—долженъ былъ явиться такимъ человѣкомъ, который свою волю, только свое личное усмотрѣніе въ церковныхъ вопросахъ, ставить выше голоса всей церкви, тѣмъ болѣе, что Никонъ, фактически упраздняя постановленіе Стоглаваго собора о двуперстїи, въ тоже время вовсе не объяснялъ, какъ его распоряженіе о перстосложенїи относится къ существующему по этому предмету соборному постановленію, прямо ему противоположному. Наконецъ такой образъ дѣйствій не особенно былъ удобенъ для Никона и потому, что на патриаршей каедрѣ Никонъ былъ новымъ, для большинства вовсе неизвѣстнымъ человѣкомъ, что онъ не только не успѣлъ прїобрѣсти того подавляющаго нравственнаго авторитета, который бы заставилъ его паству спокойно смотрѣть и на такія его дѣйствія, которыя съ перваго взгляда могли показаться ей не имѣющими достаточнаго оправданія ни съ исторической, ни съ канонической точки зрѣнія; но онъ имѣлъ еще у себя и непримиримыхъ враговъ, всегда готовыхъ самыя правыя и законныя его дѣйствія объяснить въ дурную сторону и тѣмъ вооружить противъ него народъ.

Такимъ образомъ первый реформаторскій шагъ Никона былъ дѣйствіемъ поспѣшнымъ, недостаточно обдуманнмъ и соображеннмъ съ тѣми условїями, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать; а между тѣмъ такой шагъ долженъ былъ имѣть для всей послѣдующей дѣятельности Никона очень важное значеніе: онъ сразу поколебалъ въ мнѣніи многихъ довѣріе къ Никону патриарху, заставилъ зорко-недовѣрчиво относиться ко всей его послѣдующей реформаторской дѣятельности, далъ сильное противъ него оружіе въ руки его противниковъ.

Впрочемъ Никонъ самъ скоро увидалъ и созналъ ошибочность и поспѣшность своего перваго реформаторскаго дѣйствія, и потому немедленно рѣшился взяться за дѣло реформы иначе, идти къ той же цѣли инымъ, хотя и болѣе медленнымъ, но за то болѣе вѣрнымъ путемъ.

Оказанное Никону открытое сопротивленіе со стороны кружка провинціальныхъ ревнителей благочестія, по поводу его распоряженія о поклонахъ и перстосложенїи, дало ему случай убѣдиться въ томъ, что въ лицѣ отвергнутыхъ имъ

ревнителѣй онъ найдетъ себѣ самаго сильнаго и опаснаго врага, способнаго дискредитировать въ мнѣніи общества проводимыя имъ реформы и подорвать самый его патріаршій авторитетъ, только опираясь на который онъ сдѣлалъ извѣстное распоряженіе о поклонахъ и перстосложеніи. Поэтому Никону необходимо было прежде всего такъ или иначе освободиться отъ враждебныхъ ему ревнителѣй, которые легко могли сдѣлаться органомъ всѣхъ недовольныхъ, какъ лично Никонъ, такъ и его церковными реформами, и тѣмъ создать ему массу затрудненій и непріятностей въ будущемъ. Дѣйствовать относительно своихъ бывшихъ друзей мягко и примирительно, постараться привлечь ихъ на сторону предположенной церковной реформы, воспользоваться ихъ ревностію, знергією и дарованіями для достиженія своихъ цѣлей—Никонъ не хотѣлъ, потому что уже ранѣе хорошо изучилъ всгяды и убѣжденія своихъ бывшихъ друзей, и ясно видѣлъ сильную нерасположенность съ ихъ стороны сочувственно, или только терпимо, отнести къ намѣченной церковной реформѣ. Въ виду этаго Никонъ рѣшилъ просто отдѣлаться отъ своихъ притязательныхъ, заносчивыхъ и опасныхъ для него и его дѣла друзей, и при томъ такимъ способомъ, который бы сразу далъ имъ почувствовать всю силу и могущество Никона, а ихъ собственное безсиліе и ничтожество предъ нимъ. Всемогущему царскому любимцу и патріарху нетрудно было найти поводы и способы покончить съ непріятнымъ опаснымъ для него кружкомъ. Члены кружка ревнителѣй всюду, гдѣ только имъ приходилось дѣйствовать, создавали себѣ немало враговъ, благодаря своимъ рѣзкимъ обличеніямъ чужихъ неправдъ, пороковъ и недостатковъ. Никонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ цѣлей. Онъ сталъ принимать жалобы озлобленныхъ противъ ревнителѣй и, давая вѣру этимъ жалобамъ, сталъ привлекать ревнителѣй къ отвѣтственности. По такой жалобѣ онъ отдалъ за пристава Логгина, чѣмъ крайне возмутились всѣ ревнителѣй. Нероновъ выступилъ полномочнымъ защитникомъ Логгина, и между нимъ и Никонъ публично произошла очень бурная сцена, въ присутствіи цѣлаго собора. Нероновъ при этомъ случаѣ до того забылся, что дозволилъ себѣ самыя грубыя и рѣзкія выходки противъ патріарха, обвиняя его въ неуваженіи и презрѣніи къ царю, въ неправдахъ, въ

жестокости, въ склонности слушать клеветниковъ и наушниковъ, въ довѣріи къ людямъ завѣдомо недостойнымъ, и въ преслѣдованіи людей добрыхъ и хорошихъ. Когда, на примѣръ, Никонъ, обличаемый Нероновымъ въ неправомъ судѣ, замѣтилъ: „я де кромѣ Евангелія ничѣмъ не сужу“, то Нероновъ такъ отвѣчалъ ему: „во святомъ Евангеліи написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ; а тебѣ кто и добра хочетъ и ты и тѣхъ ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, и ты тѣхъ любишь и жалуешь и слушаешь. А кто тебѣ кого огласитъ напрасно, хотя за пять сотъ верстъ, или за тысячу, и ты вѣры имѣешь... тебѣ клеветники въ явѣ клеветуютъ на добрыхъ людей, а ты имъ вѣры имѣешь... Доселѣ ты протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ въ крестовой у тебя совѣтники его, врагами Божиими и разорителями закона Господня сказывалъ; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди... Доселѣ ты другъ нашъ былъ, на насъ возсталъ. А коихъ ты разорилъ, и на ихъ мѣсто поставилъ иныхъ, и отъ нихъ добраго ничего не слышать. А коихъ ты оставилъ, вины на нихъ положилъ, что они людей мучагъ, такъ де ненадобно дѣлать, какъ ты говоришь; а самъ безпрестанно мучишь: старца соловецкаго и въ кресной день велѣлъ еси бить немилостиво. Се того себѣ не вмѣняешь, властемъ зазираешь, а самъ безпрестанно мучишь... Нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды и разоренія“. Нероновъ рѣзко порицалъ не только одного Никона, но и весь соборъ“. Незнаю, говорилъ расхвалившійся ревнитель, чѣмъ вашъ сей соборъ назвать, потому что не поболѣвнѣе ваше о законѣ Господни, но укоризны и поносы! Таковы соборы были и на великаго святителя Іоанна Златоустаго и на великаго святителя Стефана Сурожскаго“¹⁾.

Такъ ревнители, съ самаго начала патріаршества Никона, подвергли его патріаршія дѣйствія самой рѣзкой и придиричвой критикѣ, находили въ нихъ только одни неправды, произволь и жестокости, проповѣдуя открыто и рѣшительно, что Никонъ недостойный патріархъ²⁾. Понятно, что Никонъ

¹⁾ Мат. для ист. раск. т. 1, стр. 44—49

²⁾ Обвиненія Никона въ жестокомъ обращеніи съ подчиненными обычны. Но здѣсь скорѣе имѣла мѣсто не только личная жестокость, но и такъ называемый духъ времени, тогдашніе суровые нравы,—тогда такъ всѣ поступали Протопопъ Аввакумъ, на примѣръ, про себя рассказыва-

не могъ остаться равнодушнымъ къ этимъ задорнымъ и рѣзкимъ обличеніямъ, имѣвшимъ въ виду окончательно подорвать его значеніе патріарха, тѣмъ болѣе, что все это происходило въ первый годъ патріаршества Никона, когда его положеніе еще не вполне окрѣпло и установилось, почему нападенія на него ревнителей грозили ему серьезною опас-

еть, что онъ обыкновенно приходилъ къ утрени ранѣе всѣхъ и одинъ начиналъ полунощницу: „докаместъ сходятся крылошаня, а я проговорю въ тѣ поры. Прощаются—иво Богъ проститъ; а который дуруеть, *то на чепь добро пожаловать*: не раздувай уса—тово у меня“. (Матер. VIII, 91). Но особенно важно для характеристики суровыхъ нравовъ тогдашняго времени собственное свидѣтельство архіепископа сибирскаго Нектарія (въ одномъ изъ его писемъ) о томъ, что онъ вытерпѣлъ отъ старца, у котораго жилъ на послушаніи въ Ниловой пустыни, до своего архіепископства. Вотъ что онъ сообщаетъ: „до смерти мнѣ надобно помнить, какова милость Божія надо мною грѣшнымъ была въ пустынѣ и что мы кушали: вмѣсто хлѣба сіе брашно: траву папортъ и кислицу, ужевникъ и дягиль, дубовые жолуди и цвѣлевицу, и съ древесъ сосновыхъ кору отыскали и сушили и, съ рыбою смѣшавъ, вмѣстѣ толкли; то намъ брашно было, а голодомъ не уморилъ насъ Богъ. И како терпѣлъ отъ начальника съ первыхъ моихъ дней: два года по дважды на всякій день былъ битъ въ два времени, а не по едино время на день бои были. Но и въ свѣтлое воскресеніе Христово дважды битъ былъ. И того сочтено у меня въ два года по два времени на всякій день боевъ: тысяча четырехста и тридесять. Сколько ранъ и ударовъ на всякій день было отъ рукъ его честныхъ, тѣхъ не считаю—Богъ вѣсть—и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе во мнѣ бысть. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ. Что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ меня, свою сиротку и малаго птенца. Училъ клюкою, и остномъ прободалъ, и долѣномъ, коимъ въ жерновѣ мелютъ муку, и пѣстомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи уголье гребутъ, и поварнями, что вѣтвы варятъ, и рогатками, что растворъ на хлѣбы и просфоры и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы, или просфоры и пироги были бѣлы,—чтобъ душа моя темная свѣтла была, а не темна; и въ ушатахъ, что двое носятъ моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ноги моя икра выбита, чтобъ ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И нетокмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ, и каменіемъ, и за власы драпемъ, и кирпичемъ, и что прилучилось въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда глаза его узрятъ, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смирялъ. И въ то время персты мои изъ составовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбѣнъ, чаю себѣ скоро смерти“, почему желаетъ оставить кафедру и остатокъ дней провести въ мѣстѣ своего перваго обѣщанія—въ Ниловой пустынѣ. Нектарій умеръ въ Москвѣ въ январѣ 1667 года. (Рукопись Византской духовной семинаріи № 2369, л. 60, 198—202)

ностію. Никонъ поспѣшилъ окончательно отдѣлаться отъ своихъ бывшихъ друзей. Съ Неронова онъ снялъ скуею и послалъ его подъ крѣпкій началъ въ Спасокаменный монастырь; Логгину онъ остригъ голову, т. е. лишилъ его сана священства, причемъ послѣдній, когда его разстригали въ соборѣ, не удержался отъ публичныхъ грубыхъ и неприличныхъ выходокъ противъ Никона. Съ видимымъ удовольствіемъ, какъ о какомъ-то высококомъ подвигѣ, рассказываетъ объ этомъ Аввакумъ слѣдующее: „остригше, содрали съ Логгина однорядку и кафтанъ. Логгинъ же, разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая и чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плеваль. Распоясался, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ“. Не смотря на все крайнее непреличіе поведенія Логгина, оно однако, по словамъ Аввакума, было увѣнчано всенароднымъ чудомъ: „и чюду, повѣствуетъ онъ, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискось, быть-то воздухъ“. Но нечестивый Никонъ, по словамъ Аввакума, къ подобнымъ очевиднымъ чудесамъ надъ ревнителями, относился не только скептически, но и насмѣшливо. Когда ему донесли, что Богъ чудесно, заключенному послѣ разстриженія въ темницу Логгину, далъ шапку и шубу, то Никонъ только разсмѣялся и при этомъ замѣтилъ: „знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ“ ¹⁾. Вслѣдъ за Логгинымъ и Нероновымъ опалѣ подверглись и другіе ревнители—Аввакумъ и Даніилъ Костромской, которые было подали царю челобитную за Неронова. Даніилъ былъ разстриженъ и сосланъ въ Астрахань, Аввакума же спасло отъ растриженія заступничество царя, но онъ все таки былъ сосланъ въ Сибирь.

Такъ Никонъ отдѣлался отъ своихъ бывшихъ друзей, лишивъ ихъ прежняго вліятельнаго и виднаго общественнаго положенія и разславъ ихъ по дальнимъ уголкамъ Россіи. Царь рѣшительно стоялъ на сторонѣ Никона и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій въ церковной сферѣ, отказываясь отъ всякаго вмѣшательства въ церковныя дѣла. Нероновъ, еще до своей ссылки, говорилъ Никону: „подаль равноапостольный, благочестивый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи тебѣ волю, и ты,

¹⁾ Матер. для ист раск т. V, стр. 21—22

завнався, тако всякія руганія творишь, а ему, государю, сказываешь, я де дѣлаю по Евангелію и по отеческимъ преданіямъ“, Стефанъ Вонифатьевичъ писалъ сосланному уже Неронову, уговаривавшему его побудить царя вмѣшаться въ церковныя дѣйствія Никона, что царь „на себя такого чина не взимаетъ, что управити ему, государю, благочестіе“; и въ другомъ мѣстѣ: „царь государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу“ ¹⁾.

Такимъ образомъ Никонъ находился теперь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ относительно выполненія предположенной церковной реформы. Тѣ лица, отъ которыхъ онъ только и могъ ожидать серьезнаго противодѣйствія себѣ, находились далеко отъ Москвы, въ ссылкѣ; царь оказывалъ ему безусловное довѣріе и предоставилъ ему въ церковныхъ дѣлахъ полную свободу дѣйствій; власти, бояре и весь народъ уже ранѣе клялись ему безпрекословно подчиняться всѣмъ его архипастырскимъ распоряженіямъ. И однако же, не смотря на все это, Никонъ встрѣтилъ сильныя препятствія на пути къ осуществленію церковной реформы, и открытое рѣшительное сопротивленіе всѣмъ своимъ реформаторскимъ распоряженіямъ. Противодѣйствіе исходило отъ его бывшихъ друзей — ревнителей, которые, не смотря на свою ссылку, очень чувствительно давали знать о себѣ Никону. Пользуясь своими прежними связями и особымъ положеніемъ въ Москвѣ, они обращались съ своими челобитными къ царю и царицѣ, а также и къ царскому духовнику, чтобы они защитили ихъ отъ Никона, который несправедливо гонить ихъ и преслѣдуетъ, причемъ самихъ себя они выставляли мучениками за правду, страдальцами за ревность по благочестію. Такъ Нероновъ, который теперь сталъ во главѣ своихъ опальныхъ друзей ревнителей и всѣхъ вообще противниковъ Никона, пишетъ царицѣ: „тіи (Павель, Даниль, Аввакумъ, Логгинъ) мучени и томлены, и изгнани ради проповѣди закона, и ради ученія, и за еже побуждати имъ наблагое всѣхъ челоувѣкъ, ревность имуще, да не единъ отъ христіанъ праваго пути погрѣшитъ, но вси спасенія да улучатъ и чисти предъ сотворшимъ ны предстанутъ въ день праведнаго суда, иже и воздастъ комуждо по дѣломъ его“.

¹⁾ Ibid. т. I, стр. 89, 91, 106

Ревнителі не ограничивались тѣмъ, что представляли Никона человѣкомъ жестокимъ, несправедливымъ, гонителемъ людей, ревнующихъ о правдѣ и благочестіи. Указывая всѣмъ на единоличное распоряженіе Никона о поклонахъ и перстосложеніи, они на первыхъ уже порахъ стали открыто и настойчиво заявлять о томъ, что русскому благочестію грозитъ отъ Никона серьезная опасность. „Не наша бо страданія, пишетъ Нероновъ въ своей первой челобитной царю, отъ 6-го ноября 1653 года, нудяты насъ къ тебѣ, государю, вопити, ниже скорбей и мученій нашихъ моленіе къ тебѣ, государю, приношу; *но страхъ держитъ мя о семъ, дабы благочестіе истиннѣ въ поруганіи не было и гнѣвъ Божій да не снидеть...* О, благочестивый царю, остави, молю, бурю, смущающую церкви!.. О, благочестиве! молю тя: скорби бо и гоненія, еже претерпѣхомъ за любовь Господа нашего Іисуса Христа, радость намъ воистину; а еже зрѣти или слышати люди Божія смущаемы и печалію погружаемы *прозвотрїя ради и благочестія* отъ бѣдъ и скорбей — нестерпимо“. Съ своей стороны Аввакумъ, вмѣстѣ съ Даніиломъ, еще до своей ссылки, уже писалъ царю въ особой челобитной: „о, благочестивый царю, откуда се привидоша въ твою державу? Ученіе въ Росіи не стало и *глава отъ церкви отста*, понеже озоба вепрь отъ луга и инокъ дивій поялъ и есть“. Во второй челобитной государю, писаной въ началѣ 1654 года, Нероновъ прямо уже указываетъ царю, въ чемъ заключается опасность, грозящая церкви. „Искушенія бо прииде, потрясающія церковь, и велико несогласіе, пишетъ онъ царю. Чесо ради? всяко вѣси. Отцы преданное колѣнное покланеніе попираемо, и крестнаго знаменія сложеніе персть пререкуемо, и ново нѣкако сказуемо не отъ писанія, плачу достойно, соблазнъ приносяще людемъ, ихъ же ради Христось кровь свою проля... Колѣнное же покланяніе отъ устава прїяхомъ, преданнаго церкви святыми отцы, согласующе отъ тѣхъ и блаженному Никону въ своихъ правилѣхъ, и не хотящихъ до земли покланятися, непоклоннической ереси послѣдующихъ тѣхъ глаголетъ, юже сказуетъ девять-десять первую въ Дамаскиновѣ книгѣ“. Доказывая за тѣмъ истинность двуперстія сказаніемъ о Мелетіѣ антїохійскомъ, словами Θεодорита, свидѣтельствомъ Максима Грека, Нероновъ говоритъ: „всѣхъ же зримъ нетленіемъ и чудесы отъ Бога прославленныхъ, отъ

нихъ же ни единъ инако мудрствуя, приложити что смѣя, послѣдующе древле бывшимъ отцемъ, и яко постепеніи другъ по друзѣ идуще, а предъ отцы не прескочающе, но пребываху въ нихъ же научени быша, *самочиннѣ же законовъ не полагаху и церковныхъ догматъ не развращаху*. Сихъ ли святѣйшія есмы? О, благочестивый царю, яко законы ихъ, ими же они Богови угодивши, и въ чудесѣхъ велицѣ явльшеся, тако, яко истинихъ прогоняють бѣсовъ; мы же сія нетрудно разорити покушаемся. На сихъ ли возносимся, имъ же видимъ ты, благочестивый царю, и вси правовѣрніи князи, и боляра, и архіереи, и ереи, и православныя христіяня со страхомъ многимъ любезно святыхъ ихъ мощи цѣлуете, и ракамъ ихъ касаетеся ради освященія едиnorodныхъ нашихъ душъ, и яко да молятъ о насъ челоувѣколюбца Бога, да милостивъ будетъ намъ въ день судный, — на сихъ вознестися имамы?“ Затѣмъ Нероновъ, въ той же челобичной царю, говоритъ, что вмѣстѣ съ вѣрою русскіе приняли отъ грековъ и книги, которыя „добрѣ и богоугодно“ были переведены на славянскій языкъ, а потомъ благовѣрніи цари, князи, святители и преподобніи отцы „писаніе уясниша и тисненію печатному предаша“ причемъ преподобный Максимъ Грекъ крѣпко завѣщавалъ „возносящимся премудростію и тщетною филозофією, развращенно же житіе имущимъ, отнюдь не дерзати святыхъ книгъ таковымъ переводити, ниже вручити таковымъ, яковъ же онъ лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путивля, что онъ Арсеній еретикъ, велѣлъ ся его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеній, взятъ къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а въ древнихъ великихъ мужей и святыхъ чудотворцевъ свидѣтельство отметаеъ и ложно нарицаеъ“. Для рѣшенія возникшихъ церковныхъ недоумѣній Нероновъ предлагаетъ царю созвать соборъ, но только чтобы этотъ соборъ былъ истинный, „а не сомнище іудейско“. „Не единымъ бо архіереомъ подобаеъ собратися, пишеть онъ, но и священно - архимандритомъ, и священно игуменомъ, и протопопомъ, и священно - инокомъ, іереомъ и діакономъ, вѣдущимъ до конца божественное писаніе; такожде и въ мірѣ живущимъ и житіе добродѣтельное проходящимъ всякаго чина людемъ; поискати же лѣпо, государь, и въ пусты-

ни живущихъ иноковъ, искусныхъ отцевъ, науку имѣющихъ отъ божественнаго писанія, пачеже житія ради добродѣтельнаго и чистоты и дарованію сподобльшихся отъ Бога, да же споспѣшествуютъ намъ, государь, неточію словеса, но и молитвы ихъ, ко исправленію нашея православныя христіанскія вѣры, да же истина свѣтлѣе солнца явится. Тебѣ же, государь, яко превеликому столпу, ту предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“. Только одного ограниченія для проектируемаго собора желаетъ Нероновъ. Это — чтобы государь никакъ не принималъ въ совѣтъ иностранныхъ иноковъ, „истинѣ и благочестію ругателей и ересемъ вводителѣй“ ¹⁾).

Царь не только не придалъ никакого значенія этимъ челобитнымъ, вполне положившись въ церковныхъ дѣлахъ на Никона, но и запретилъ Неронову обращаться къ нему съ жалобами на Никона. Но это не остановило Неронова. Онъ сталъ писать царицѣ, прося ея ходатайства предъ царемъ, и особенно обращался къ своему патрону и доброжелателю Стефану Вонифатьевичу, думая найти въ немъ противника Никону.

Нероновъ, и особенно его друзья, до конца своей жизни имѣли неправильное представленіе объ участіи Стефана Вонифатьевича въ дѣлѣ церковной реформы Никона, и неправильно представляли себѣ личныя отношенія, существовавшія между Стефаномъ и Никономъ. По ихъ представленіямъ Никонъ, до своего патріаршества, очень дружилъ съ Стефаномъ, во всемъ соглашался съ нимъ, не противорѣчилъ ему и даже всячески предъ нимъ заискивалъ. Но сдѣлавшись патріархомъ, онъ рѣшительно будто бы измѣнилъ къ Стефану свои отношенія: сталъ не только гнать и преслѣдовать его друзей, но ругать и поносить и самого Стефана. Нероновъ говорилъ патріарху Никону: „преже сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ, и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игумнахъ, и въ архимандритѣхъ, и въ митрополитѣхъ... Ты съ государевымъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ, и не прекословилъ нигдѣ... И протопопъ Стефанъ за что тѣбѣ врагъ

¹⁾ Матер. I, 23—24, 37—38, 54—67, 80

сталь? — вездѣ ты ево поносишь и укоряешь“ ¹⁾... Но такое представленіе ревнителей объ измѣнившихся будто отношеніяхъ Никона къ Стефану, послѣ того какъ Никонъ успѣлъ сдѣлаться патріархомъ, рѣшительно невѣрно и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Стефанъ Вонифатьевичъ несомнѣнно всегда былъ сторонникомъ Никона, какъ своего ставленника въ патріархи, и до самой своей смерти сохранилъ къ нему близкія дружескія отношенія. На производимую Никономъ реформу онъ смотрѣлъ какъ на свое личное дѣло, и потому не только не могъ ей противодѣйствовать, но и всячески ее поддерживалъ. Въ посланіи къ царю изъ Спасокаменнаго монастыря, отъ 27 февраля 1654 года, Нероновъ пишетъ: „по приказу отца священнопротопопа Стефана Ниеантьевича, всякое покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще же онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ, и лживыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все поистиннѣ истину, моля его, да не слушаетъ клеветниковъ“ ²⁾. Значитъ, когда Никонъ еще былъ архимандритомъ и митрополитомъ, уже тогда между имъ и Нероновымъ происходили несогласія, уничтожаемая {авторитетомъ Стефана, который заставлялъ Неронова оказывать Никону „покореніе и любовь“ т. е. уже и тогда Стефанъ считалъ болѣе правымъ Никона и былъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ Неронова. Тоже было и послѣ, когда Никонъ сталъ патріархомъ и началъ свою реформаторскую дѣятельность. Протопопъ Аввакумъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь, отъ 14 сентября 1653 года, говоритъ: „а про Стефана сказать не знаю что, — всяко ослабѣлъ. Писалъ я о тебѣ челобитную, и онъ государю и не снесъ. И я помышляю: благо намъ и такъ; Давыдъ богоотецъ реклъ: не надѣйтеся на князя на сына человѣческаго, въ нихъ же нѣсть спасенія“ ³⁾. Отсюда видно, что въ происшедшемъ столкновеніи Никона патріарха съ его бывшими друзьями-ревнителями, Стефанъ сразу сталъ на сторону не ихъ, а Никона, что подмѣтили ревнители и объясняли это странное, по ихъ мнѣнію, поведеніе Стефана тѣмъ, что онъ „вся-

¹⁾ Ibid стр 47.

²⁾ Матер I, стр 67—68

³⁾ Ibid. стр 25

ко ослабѣлъ“. Ясно что ревнители не понимали Стефана, совсѣмъ не знали того, что Никонъ въ своей церковной реформаторской дѣятельности осуществляетъ программу царя и Стефана, и потому они сильно заблуждались, считая Стефана сторонникомъ своихъ воззрѣній на реформу, совсѣмъ не одобряющимъ реформы Никона, и только изъ политики поддерживающимъ внѣшнія корректныя сношенія съ Никономъ патріархомъ. Въ дѣйствительности роль Стефана въ дѣлѣ столкновенія Никона съ его бывшими друзьями была ролью посредника между двумя борющимися сторонами. Онъ старался дѣйствовать примирительно, посреднически, склоняя обѣ стороны къ уступчивости, воздѣйствуя въ этомъ смыслѣ, съ одной стороны, на царя и Никона, съ другой, на Неронова, какъ тогдашняго главу недовольныхъ Никономъ. Это какъ нельзя болѣе ясно открывается изъ переписки Стефана съ Нероновымъ. Стефанъ въ письмѣ къ Неронову въ Спасокаменный монастырь совѣтуетъ ему оставить затѣянную имъ борьбу съ Никономъ патріархомъ, такъ какъ онъ — Нероновъ борется „всеу“, правъ Никонъ патріархъ, а не Нероновъ, почему послѣдній долженъ оказывать Никону послушаніе „и безъ разсужденія не прекословити ему ни въ чемъ“, тѣмъ болѣе, что Никонъ ждетъ отъ него покаянія и просьбы о прощеніи, которое онъ, подъ этимъ условіемъ, и получитъ. На эти совѣты и убѣжденія Стефана оставить борьбу съ Никономъ и примириться съ нимъ, Нероновъ отвѣчаетъ Стефану рѣшительнымъ отказомъ, заявляетъ, что онъ никогда не покорится Никону, а будетъ по прежнему бороться съ нимъ. „Молютя, брате, пишетъ онъ Стефану, вскую мя оскорбилъ еси, вспоминая ми подвигъ оставити и приложитися отъ благоначинанія, яже о Христѣ, а не добрѣ подтвержая мя, яко да теченіе окончаю? Или еще не уразумѣ настоящія бѣды всей Русіи? Всякое благочестіе преста и чадомъ церковнымъ вездѣ плачь... Како же рече о возлюбленне, яко всеу ми трудъ? размотри добрѣ превождѣленне, — себе ли ради сіе творю? Не буди то никакоже: но церкви ради и братіи, о нихъ же Христось кровь свою излія... Идѣже вредъ преемлетъ церковь, и многимъ блазнь бываетъ и погибель душевная, — какое тутъ молчаніе? Се въ упрямство не вмѣняй, еже къ патріарху прощенія не приношу: не вѣмъ бо себе къ нему согрѣшиша“. При этомъ

Нероновъ относительно дальнѣйшаго своего образа дѣйствій рѣшительно заявилъ Стефану, что просить у Христа помощи и заступленія, „да дастъ ми крѣпость, еже съ братією моею за имя Его любезно пострадати и съ ними, о Христѣ моими господами, смерть или животь пріяти, да въ безконечныя вѣки съ любезными моими не разлучаюся“. Но этого мало. Нероновъ и самого Стефана старается убѣдить открыто стать на сторону дѣла Неронова и его друзей, всячески ихъ поддерживать и ради ихъ бороться съ Никономъ. Онъ пишетъ Стефану: „не приде бо Христосъ вложить мира, но рать и мечъ, раздѣлити отца на сына, и сына на отца, и дщерь на мать свою, и невѣстку на свекровь свою. Сицевое Спасово реченіе часто воспоминай и намъ не стужай, дѣло наченшимъ; но, молю, и помогай; азъ орю и добрѣ землю дѣлаю, ты по ней посѣй, яко да обогатѣши. Не угаси, молю, малыя искры, лежащія въ тебѣ, да не отъ Бога наказанъ имаша быти, яко погубивъ правду“. И въ другомъ мѣстѣ тогоже письма заявляетъ Стефану: „грубыхъ словесъ моихъ не гнушайся, о превозлюбленне, но съ радостію, яко истинѣ другъ, пріемли въ клѣти, яко птица, сѣди и пой Господеви пѣсни красны, во дни и въ ноци. Прочти мученіе святого пророка и мученика Еремія, иже посылаше, ко царю ученикомъ своимъ Варухомъ епистолію, они же драща и жгоша, самого же пророка и соученикомъ его мучиша, послѣди же и въ калѣ его втопташе. Опасно зри, каковъ судъ подъяша. Тако и ты, — аще и жещи и драть не будеши, но писанное тебѣ аще презирати будеши: блюди да не тояжде постраждеши. Аще бо къ человекѣ согрѣшишь, отпуститъ ти ся; аще ли о церкви не радѣти будеши, и чадомъ ея блазнь сотвориши, неумолимъ судъ обрящеши въ день праведнаго суда Христова“¹⁾.

Такъ старался Нероновъ убѣжденіями и мольбами, а частію и угрозами, склонить Стефана на свою сторону, заставить его рѣшительно и открыто выступить на борьбу съ Никономъ. Но въ тоже время Нероновъ невольно чувствовалъ, что Стефанъ вовсе не на его сторонѣ, что онъ не оправдываетъ его строптиваго, вызывающаго поведенія относительно Никона. Нероновъ искалъ причины такого, казалось ему,

¹⁾ Ibid стр 70—94.

непонятнаго поведенія своего друга и совѣтника. Въ припискѣ къ письму онъ спрашиваетъ Стефана: „не то ли ты мыслишь, государь мой союзниче, священнопротопопе Вѣнигатовичъ. что я тебѣ, живучи на Москвѣ, стужаль и много тебѣ жестоко и противно говорилъ?“ Значить Нероновъ сознавалъ, что Стефанъ имъ недоволенъ, что онъ оправдываетъ не его, а Никона, причину этого думаетъ найти въ прежнихъ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ Стефану, когда онъ, въ виду вскрывавшагося между ними несогласія по тѣмъ или другимъ вопросамъ, позволялъ себѣ много и горячо спорить съ Стефаномъ и не соглашался съ нимъ. Отсюда очевидно также и то, что разнь въ воззрѣніяхъ между Стефаномъ и Нероновымъ сказывалась уже давно и, благодаря рѣзкости и упрямству Неронова, уже ранѣе вызвала неудовольствіе Стефана, о чемъ теперь и вспоминаетъ Нероновъ.

Еще яснѣ свои истинныя отношенія къ Никону патріарху и реформатору Стефанъ выразилъ во второмъ письмѣ къ Неронову. Здѣсь онъ пишетъ, что царь, которому онъ прочелъ письмо Неронова, удивляется его (Неронова) упрямству“, что царь и Стефанъ „блазни не имѣютъ о патріархѣ,—все онъ доброе творить“, и что вообще „государь за патріархомъ ничего худаго не видалъ“. Что же касается распоряженія Никона о поклонахъ, то Стефанъ находитъ его правильнымъ, вполне согласнымъ съ русской церковной стариной; а относительно перстосложенія вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, т. е. царь и Стефанъ находили правильными первые реформаторскіе шаги Никона и вполне ихъ оправдывали, такъ какъ они, очевидно, и предприняты были Никономъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго соглашенія по этому предмету съ царемъ и Стефаномъ. Поэтому не удивительно, что и царь не похвалялъ сопротивленія и упрямства Неронова, и что онъ выразилъ желаніе, чтобы Нероновъ подчинился Никону и снова занялъ свое прежнее мѣсто въ московскомъ Казанскомъ соборѣ, о чемъ Стефанъ и извѣщалъ въ письмѣ Неронова.

Такимъ образомъ Стефанъ былъ. несомнѣнно, вполне на сторонѣ Никона, и оправдывалъ его реформу предъ своими задорными друзьями—ревнителями, съ которыми онъ, особенно съ Нероновымъ, поддерживалъ всегда прежнія близкія

отношенія, всячески усиливаясь его и другихъ примирить съ новыми явленіями въ тогдашней русской церковной жизни. Несомнѣнно также и то, что и царь принималъ живое и дѣятельное участіе въ первыхъ реформаторскихъ шагахъ Никона и въ посреднической попыткѣ Стефана примирить ревнителѣй, особенно Нерона, съ Никономъ и его реформаторскою дѣятельностію.

Стефанъ мало однако рассчитывалъ побороть упрямство Неронова путемъ убѣжденій и уговоровъ, и потому рѣшилъ достигнуть этой цѣли инымъ способомъ; какъ видно, Стефанъ уже давно задумалъ принять монашество, промѣнять свое видное и вліятельное положеніе царскаго духовника, на положеніе простаго смиреннаго инока старца. Къ тому же онъ рѣшилъ склонить и Неронова. Послѣдній во второмъ своемъ письмѣ пишетъ Стефану: „прочее же писанное тобою (т. е. Стефаномъ), о вселюбезіи, внятно разумѣхъ, смиренію твоему подивихся и простонравію блаженному, и *благій советъ твой пріемлю*. Молю же тя, *по не мрскаго мудрованія уклонися, якоже и міра, и Владыцѣ нашему Господу Иисусу послужимъ по силѣ нашей*“. Принявъ благой советъ Стефана Неронова, какъ извѣстно, постригся въ монахи подъ именемъ Григорія. Также постуилъ и Стефанъ Вонифатьевичъ. Въ 1655 году онъ, на средства своего духовнаго сына—государя, построилъ въ Москвѣ на „убогихъ домѣхъ“, гдѣ было кладбище для бѣдняковъ, странниковъ, умершихъ насильственною смертію, замершихъ и другихъ несчастныхъ, особый монастырь, названный Покровскимъ, въ которомъ, вѣроятно въ 1656 году, онъ и былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Савватія. Стефанъ Вонифатьевичъ, въ иночествѣ старецъ Савватій, скончался 11-го ноября 1656 года, и былъ похороненъ въ своемъ Покровскомъ на убогихъ домѣхъ монастырѣ ¹⁾. Понятно почему Стефанъ добивался и потомъ дѣйствительно постригъ Неронова въ монахи. Самъ Стефанъ смотрѣлъ на свое иноческое постриженіе, какъ на актъ всецѣлаго отреченія отъ міра и всецѣлаго посвященія себя служенію только Господу Иисусу—онъ, послѣ постриженія, не царскій духовникъ, не вліятельное придворное лицо, даже не іерей, а смиренный инокъ—просто старецъ

1) Матер. т. I, стр. 91, Письма государей № 386, стр. 350.

Савватій. Онъ былъ убѣжденъ, что и Нероновъ, сдѣлавшись старцемъ Григоріемъ, подобно ему, тоже всецѣло проникнется иноческимъ смиреніемъ, бросить свою задорную общественную дѣятельность и, какъ инокъ, смирится предъ патріархомъ, весь сосредоточится на работѣ Христу, навсегда замкнувшись отъ міра въ своей уединенной иноческой келіи. Но Стефанъ ошибся въ своихъ надеждахъ на Неронова: ставши старцемъ Григоріемъ, Нероновъ не измѣнился. а по прежнему во всѣхъ случаяхъ проявлялъ и прежній задоръ, и неуступчивость, и ненависть къ патріарху, и прежнез желаніе играть въ обществѣ видную и прямо шумливую роль. Монашество оказалось безсильнымъ передѣлать неспокойную натуру Неронова и направить его энергію и помыслы въ другую сторону. Въ виду этого миротворческаго стремленія Стефана по отношенію къ Неронову не удалось, но за то они, въ извѣстной степени, удалось по отношенію къ другому лицу,—патріарху Никону.

Если Нероновъ впоследствии говорилъ Никону патріарху „протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь“, то на это заявленіе Неронова слѣдуетъ смотрѣть какъ на преувеличеніе, какъ на выраженіе желанія Неронова показать, что Никонъ не только преслѣдовалъ его Неронова, но даже ругалъ и поносилъ такого уважаемаго и почитаемаго всѣми человѣка, какимъ былъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Стефанъ, какъ миротворецъ, сохраняя постоянно дружескія отношенія съ Никономъ, въ тоже время дружилъ съ Нероновымъ и его друзьями, всячески усиливаясь примирить ихъ съ Никономъ и его реформаторской дѣятельностію, а Никона побудить къ болѣе кроткому и снисходительному отношенію къ ревнителямъ. Возможно, что суровому и нетерпѣливому Никону иногда было неприятно это миротворческое вмѣшательство Стефана, это его стремленіе шадить и по возможности извинять своихъ друзей, и онъ позволялъ себѣ, по обычной ему несдержанности, выражать иногда свое неудовольствіе на Стефана, что подхватывалось Нероновымъ и его сторонниками и нарочно выставлялось потомъ, въ видахъ повредить Никону, какъ проявленіе его вражды къ Стефану. Въ дѣйствительности же никакой вражды къ Стефану Никонъ не имѣлъ и даже болѣе: Стефанъ и на Никона оказывалъ сдерживающее и смяг-

чающее вліяніе и Никонъ, благодаря Стефану, сталъ потомъ терпимѣй и снисходительнѣй. Мы видѣли, что Стефанъ всячески усиливался примирить Неронова съ Никонѣмъ, но умеръ, не достигнувъ этой цѣли. Очень вѣроятно, что Стефанъ, передъ смертію, взялъ съ Никона обѣщаніе примириться съ Нероновымъ, если тотъ пойдетъ хотя бы сколько нибудь на уступки. И дѣйствительно Никонъ, уважая память Стефана, рѣшился идти на примиреніе съ Нероновымъ. Очень любопытны и характерны, для обоихъ заинтересованныхъ сторонъ, нѣкоторыя обстоятельства этого примиренія, поскольку онѣ связаны съ личностію Стефана. Нероновъ, послѣ своего постриженія въ монахи, пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ у Стефана, отправился на житье въ Игнатьеву пустынь. Но такъ какъ Никонъ его разыскивалъ, то Нероновъ, скрываясь, переходилъ съ мѣста на мѣсто. Въ это время въ Москвѣ умеръ Стефанъ, и Нероновъ, получивъ вѣсть о его смерти, явился въ свою пустынь, „и моли Іоаннъ духовную братію, да въ царствующій градъ Москву, на гробъ къ отцу Савватію (т. е. Стефану) того отвезутъ проститься: зане отецъ Савватій представися, Григорій же (Нероновъ) бѣгая живяше и не сподобися послѣди се цѣловати любезнаго ему друга и брата, и во многихъ слезахъ бяше сицевыхъ ради; духовная же братія готови исполнити прошенія его, и елико той хотяше, дѣломъ исполняху.“ Нероновъ прибылъ въ Москву и здѣсь между нимъ и Никономъ произошло примиреніе, причемъ Никонъ, несмотря на задоръ, несдержанное и грубо-неприличное поведеніе Неронова, отнесся къ нему въ высшей степени сдержанно и ласково-милостиво. Между прочимъ Нероновъ просилъ Никона назначить ему мѣсто, гдѣ бы онъ могъ проживать во время своего пребыванія въ Москвѣ. Никонъ, имѣя въ виду близкія отношенія Неронова къ Стефану, зная, можетъ быть, что и въ Москву-то онъ прибылъ, если вѣрить его заявленіямъ, собственно за тѣмъ, чтобы плакать на гробъ своего „друга и брата“, предложилъ ему жить въ Покровскомъ на убогихъ дому монастырѣ, гдѣ была могила Стефана. Но Нероновъ не повялъ всей деликатности предложенія ему Никона жить въ Покровскомъ монастырѣ, онъ грубо отвѣчалъ патріарху: „далече, великій святитель; гдѣ мнѣ отъ тебя поближе; потому что человекъкъ я древній, бродить не могу. Изволь пожаловать

на Троицкомъ пѣдворѣ побыть“. И патріархъ рекъ: „ино-де добро“, и Нероновъ поселился на Троицкомъ пѣдворѣ, а не въ монастырѣ Стефана. Но если Нероновъ не хотѣлъ, хотя-бы временно, пожить при гробѣ своего друга и брата Стефана, а предпочелъ поселиться поближе къ двору и патріарху, чтобы быть на глазахъ у сильныхъ міра сего; за то Никонъ, съ своей стороны, не забывалъ умершаго Стефана, съ уваженіемъ относился къ его памяти, заботился о построенномъ имъ монастырѣ ¹⁾, посѣщалъ его могилу, на которой, конечно и не разъ, плакалъ. Въ запискѣ о жизни Неронова рассказывается: „генваря въ 14 день (1657 г.) патріархъ Никонъ пріѣхалъ въ Покровскій монастырь, что на убогихъ дому, идѣже лежатъ мощи отца Саватѣя, и бывъ у гроба старцова, пошелъ къ строителю старцу Кирилу въ келью. И въ кельѣ, обычно благословеніе и миръ давъ, сѣде, покивая же главою и плача, глаголя: „старецъ Григорій!“ Старецъ (т. е. строитель Кириллъ) вопрошая его, глаголя: владыко святыи, что вина плачу, его же ради зѣло плачеши? Патріархъ же ничто же рече строителю, но, плакався довольно, отъиде“ ²⁾. О чемъ именно плакалъ Никонъ на гробѣ Стефана,—мы не знаемъ. Но судя потому, что Никонъ, плача, говорилъ: „старецъ Григорій!“ можно съ вѣроятностію заключать, что тяжелое душевное настроеніе Никона создалось его примиреніемъ съ Нероновымъ, которое, какъ онъ ясно видѣлъ, не смотря на всю сдержанность и уступчивость съ его стороны, не удалось, такъ какъ Нероновъ попрежнему питалъ къ нему полное нерасположеніе и готовъ былъ всячески вредить ему. Никонъ, пріѣзжая плакать на гробъ миротворца Стефана, отдавалъ, вѣроятно, дѣло своего примиренія съ Нероновымъ, на судъ умершаго Стефана, такъ усиленно всегда объ этомъ заботившагося. Во всякомъ случаѣ, плакать на могилу Стефана пріѣзжалъ не Нероновъ, а патріархъ Никонъ, и это уже одно говоритъ за его всегдашнія близкія отношенія къ Стефану, за его любовь и глубокое уваженіе и почтеніе къ нему. О враждѣ патріарха Никона

1) Строитель Покровскаго монастыря Кириллъ, конечно по дѣламъ монастыря, упоминается въ числѣ посѣтителей, собиравшихся въ Крестовой патріарха Никона. Матер. I, 155.

2) Матер. I, 158—159.

къ Стефану не можетъ быть, при указанныхъ обстоятельствахъ, и рѣчи.

Никонъ, не смотря на полный разгромъ кружка ревнителей, на поддержку царя и его духовника Стефана Вонифатьевича, на свою всесильную патриаршую власть, не могъ однако скрыть отъ себя, что протестъ кружка ревнителей, относительно его распоряженія о поклонахъ и перстосложеніи, въ значительной степени былъ справедливъ, что единолично, только своею патриаршею властію, производить такіа важныя въ мнѣніи общества церковныя реформы дѣло рискованное и очень непрочное. Не могъ не сознать Никонъ и того, что его противники были люди убѣжденные, искренніе, вполнѣ вѣровавшіе въ свое призваніе бороться за истинное благочестіе, страдающее отъ самочинія новаго патриарха, что ихъ голосъ въ этомъ случаѣ могъ быть убѣдительнъ для очень и очень многихъ, такъ какъ въ своихъ нападкахъ на Никона они опирались на извѣстную всѣмъ и всѣми почитаемую родную старину, которую Никонъ самочинно стремится нарушить. Въ виду этого Никонъ, конечно съ совѣта царя и Стефана, рѣшается, въ своей дальнѣйшей реформаторской дѣятельности, опереться на болѣе прочную опору: на цѣлый соборъ русскихъ іерарховъ, благодаря чему дѣло церковной реформы должно было стать дѣломъ всей русской церкви, а не одного только Никона. Эти соображенія вызвали соборъ 1654 года, очень важный въ томъ отношеніи, что на немъ Никонъ въ первый разъ торжественно высказалъ свой взглядъ на положеніе русской церкви и на тѣ реформы, какія бы онъ желалъ произвести въ ней.

Соборъ 1654 года Никонъ открылъ рѣчью, въ которой указалъ на причины, побудившія созвать соборъ, на тѣ вопросы, какіе подлежали соборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ оправданіе задуманной церковной реформы Никонъ сослался на постановленіе константинопольскаго собора объ учрежденіи въ Россіи патриаршества, гдѣ, между прочимъ, заповѣдывалось пастырямъ церкви истреблять всѣ новины церковныя. Прочитавши дѣянія константинопольскаго собора, Никонъ говорилъ собору: „сего ради долженъ есть нововодныя чины церковныя къ вамъ объявити“, и затѣмъ перечисляетъ самыя найденныя имъ въ московскихъ служебникахъ новины. Онъ указалъ именно: а) разрѣшительную архіерей-

скую молитву, которую незаконно положено было читать священнику предъ совершеніемъ литургіи, отпустить предъ началомъ литургіи, который принято было читать на всю церковь, и нѣкоторыя излишнія эктеніи; б) существовавшій обычай у насъ оставлять царскія врата отверстыми отъ начала литургіи до великаго входа; в) обычай праздничную литургію начинать въ седмомъ и даже въ восьмомъ часу дня т. е. въ первомъ и во второмъ часу по полудни; г) обычай—при освященіи храмовъ не полагать мощи подъ престоломъ; д) дозволеніе простецамъ двоеженцамъ и троеженцамъ пѣть и читать въ церкви на амвонѣ; е) употребленіе земныхъ поклоновъ въ чотырдесятницу (при чтеніи молитвы Ефрема Сиріина) вмѣсто 12 малыхъ и ж) положеніе антимиаса подъ покровомъ, вмѣсто того, чтобы полагать его на престолѣ открыто и на немъ совершать таинство евхаристіи. Указавъ на то или другое новшество въ московскихъ печатныхъ книгахъ, Никонъ обыкновенно замѣчалъ, что указанные имъ нововодные чины несогласны ни съ греческими, ни съ славянскими книгами, и обращался къ собору съ вопросомъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ-ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ, старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ? На такіе вопросы Никона, говорить соборное дѣяніе, „великій государь царь... преосвященныя митрополиты, архіепископы и епископъ... и священныя архимандриты и игумены... большаго собора пречистыя Богородицы протопопъ... и весь освященный соборъ, вси едино отвѣщали: достойно и праведно исправити противостарыхъ харатейныхъ и греческихъ“; или: „святой соборъ рече: и мы тако же утверждаемъ быти, яко же греческія и наши старыя книги и уставы повелѣвають“; „святой соборъ рече: добро есть исправити противу старыхъ и греческихъ книгъ“. „И сіе соборное уложеніе благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, и великій государь святѣйшій Никонъ, архіепископъ московскій, и всея великія и малыя Россіи патріархъ, написати повелѣша ради совершеннаго укрѣпленія, чтобы впредъ быти исправленію въ печатномъ тисненіи божественнымъ книгамъ, противъ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ уставовъ, потребниковъ, служебниковъ и часослововъ“.

Изъ той постановки дѣла о церковной реформѣ, какую далъ Никонъ на соборѣ 1654 года, нельзя не видѣть, что Никонъ былъ очень своеобразный реформаторъ: онъ самъ, очевидно, не имѣлъ настоящаго правильнаго представленія о предметѣ своей реформы т. е. о происхожденіи, историческомъ ростѣ и дѣйствительномъ значеніи въ дѣлѣ вѣры тѣхъ церковно-обрядовыхъ явленій, которыя онъ такъ смѣло взялся реформировать. Русскіе церковные чины, несогласные съ тогдашними греческими, онъ прямо называетъ на соборѣ неправыми и нововводными, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это были правые, старые греческіе чины и обряды, нѣкогда перешедшіе на Русь отъ православныхъ грековъ и у насъ неизмѣнно сохраняемые, тогда какъ у самихъ грековъ, вслѣдствіе естественнаго роста и перемѣнъ въ церковно-обрядовой жизни, они измѣнялись, почему и стали кое въ чемъ несходны съ русскими, или что тоже: съ своими же древними греческими чинами и обрядами. Фактически, поэтому, дѣло стояло такъ, что не русскіе отступили отъ греческой церковной старины, въ какомъ видѣ она перешла на Русь, а позднѣйшіе греки, въ силу разныхъ историческихъ перемѣнъ и требованій, видоизмѣняли свои старые обряды и чины, и сдѣлали ихъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, непохожими на старые, а слѣдовательно и на русскіе. Въ виду этого Никонъ долженъ былъ говорить на соборѣ не о томъ, что русскіе церковные чины и обряды есть нововводные и неправые, а—самое большее—о томъ, что это чины и обряды устарѣвшіе и отжившіе, что они уже болѣе не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ церковною практикою всей вселенской православной церкви и потому должны быть видоизмѣнены, въ видахъ этого соотвѣтствія. Въ той же постановкѣ дѣла церковной реформы, какую далъ ей на соборѣ Никонъ, она неминуемо должна была вызвать въ обществѣ сильное противодѣйствіе себѣ, такъ какъ была несогласна съ русской церковной стариной, а слѣдовательно—и съ стариной греческой.

При чтеніи вопросовъ Никона, предложенныхъ имъ собору 1654 года, нельзя не обратить вниманія и на то рѣзко бросающееся въ глаза обстоятельство, что Никонъ въ число нововводныхъ чиновъ, на исправленіе которыхъ онъ требовалъ себѣ соборныхъ полномочій, не рѣшился включить двое-

перстія, сугубой аллилуіи, чтенія въ символѣ вѣры „истиннаго“ и вообще тѣхъ замѣтныхъ обрядовыхъ особенностей, которыми русскіе порознились тогда отъ современныхъ грековъ, и относительно которыхъ у русскихъ существовало опредѣленное обязательное для всѣхъ постановленіе Стоглаваго собора, оградившаго клятвою установленный обрядъ отъ всякихъ его измѣненій въ будущемъ. А между тѣмъ, если въ чемъ настояла для Никона особенная нужда заручиться прямымъ спеціальнымъ соборнымъ полномочіемъ, такъ это именно относительно тѣхъ обрядовъ, которые установилъ Стоглавый соборъ. Но разъ Никонъ этого не сдѣлалъ, а между тѣмъ сталъ потомъ измѣнять и передѣлывать этотъ обрядъ, онъ необходимо тѣмъ самымъ долженъ былъ, со стороны ревнителей и всѣхъ вообще почитателей русской церковной старины, навлечь на себя и на все свое дѣло горькія жалобы, нареканія и прямыя обвиненія въ самочиніи, въ презрительномъ отношеніи къ существующимъ соборнымъ постановленіямъ. Почему Никонъ не предложилъ собору уполномочить его на измѣненіе указанныхъ обрядовъ,—понятно: соборъ 1654 года, какъ чисто русскій по своему составу, никогда бы не далъ ему такихъ полномочій, что хорошо зналъ Никонъ.

Никонъ, настаивая на необходимости церковной реформы, заявлялъ на соборѣ 1654 года, что русская церковь содержитъ неправые, нововводные чины, несогласные съ древними русскими и греческими, и тѣмъ самымъ онъ открыто признаетъ, что вся вообще русская церковь не удержалась во всемъ на высотѣ строго православнаго обряда, такъ какъ она допустила у себя существованіе неправыхъ, нововводныхъ церковныхъ чиновъ, несогласныхъ съ строго православными чинами, какіе ранѣе существовали въ русской церкви и сейчасъ существуютъ у грековъ. Значитъ, бѣда заключалась не въ томъ только, что наши книги были испорчены невѣжествомъ, но въ томъ, что порча проникла въ самую жизнь церкви, что сама церковь усвоила себѣ нововводные, позднѣйшаго измышленія, неправые чины и обряды, выдавая ихъ за древніе, строго православные, такъ что погрѣшали не только уже книги, но и вся русская церковь. Въ виду этого Никонъ говоритъ на соборѣ не о такихъ книжныхъ исправленіяхъ, подъ которыми бы разумѣлись внесенныя

въ нихъ невѣжествомъ ошибки, описки и подобныя неважныя и легко исправимыя погрѣшности, но требуетъ исправленія книгъ поскольку онѣ содержать, по его мнѣнію, нововодные чины и обряды, требуетъ, такъ сказать, исправленія самой церкви, а не книгъ только. Испорченность нашихъ церковныхъ книгъ и необходимость ихъ исправленія признавалась у насъ всегда и всѣми, а при патріархѣ Іосифѣ наши церковныя книги даже стали свѣрять съ греческимъ текстомъ, что бывало и ранѣе. Но при этихъ исправленіяхъ, какъ ранѣе, такъ и при патріархѣ Іосифѣ, никогда у насъ не признавалось, что бы русская церковь потеряла или исказила въ чемъ либо древній православный чинъ и обрядъ, чтобы она обладала неправыми, нововодными чинами и обрядами, и что бы наши церковныя книги нуждались въ исправленіи именно съ этой стороны. Поэтому требуемая Никономъ на соборѣ 1654 года церковная реформа, должна была существенно отличаться по своему характеру отъ всѣхъ предшествующихъ книжныхъ исправленій.

Заявленіе Никона на соборѣ 1654 года, что церковныя книги московской печати содержатъ въ себѣ неправыя, нововодные чины и обряды, несогласныя съ истинно православными древними чинами и обрядами, необходимо должно было произвести въ высшей степени сильное впечатлѣніе на большинство благочестивыхъ русскихъ людей, и вызвать у нихъ цѣлый рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ.

До сихъ поръ каждый русскій искренно и твердо вѣрилъ, что русская церковь приняла отъ грековъ православіе во всей его чистотѣ и полнотѣ, что въ теченіи вѣковъ она хранила его неизмѣнно, и ни разу не поступилась имъ ни въ какую сторону, такъ что православіе, и въ церковно обрядовомъ отношеніи, всегда царило въ ней безъ всякихъ колебаній и уклоненій, дало ей цѣлый рядъ великихъ угодниковъ Божіихъ, и самое русское государство сдѣлало могучимъ и сильнымъ,—единымъ теперь православнымъ царствомъ въ цѣлой вселенной. Сами греки не разъ открыто признавали, что русскіе всегда были тверды и неизмѣнны въ вѣрѣ, что Русь сдѣлалась опорой и единственно вѣрнымъ убѣжищемъ гонимаго на востокъ православія. Много перебывало на Руси различныхъ греческихъ іерарховъ, не разъ бывали въ ней и сами патріархи различныхъ восточ-

ныхъ кафедръ, и никогда, до Никона, они не замѣчали, чтобы русская церковь содержала какіе либо неправые церковные чины и обряды. Они, наоборотъ, только дивились русскому благочестію, восхваляли русскихъ за горячую преданность истинному православію, за ихъ религіозную крѣпость и устойчивость. Самъ константинопольскій патриархъ Іеремія торжественно заявлялъ на Москвѣ, что въ ней теперь слѣдуетъ быть престолу вселенскаго патриарха, что Москва теперь есть истинная столица всего вселенскаго православія, что она—третій Римъ. И вдругъ московскій патриархъ Никонъ торжественно заявляетъ теперь на соборѣ, что русское благочестіе сомнительно, такъ какъ русскіе содержатъ у себя неправые, нововводные церковные чины и обряды, и что самыя благослужебныя книги, по которымъ вѣруютъ и спасаются русскіе, исполнены очень серьезныхъ ошибокъ и погрѣшностей. Откуда же взялъ Никонъ это поразительное и страшное открытіе? Ему указали на него греки, церковныя книги, чины и обряды которыхъ порознились съ русскими. Тогда невольно возникалъ вопросъ: чьи же теперь книги нужно признать испорченными—русскія или греческія? Никонъ, съ голоса разныхъ сомнительныхъ завѣзжихъ къ намъ грековъ и кievлянъ, рѣшительно заявилъ, что испорчены именно русскія книги, и что ихъ слѣдуетъ исправить по книгамъ греческимъ, которыя не подверглись никакой порчѣ. Но значительному большинству русскихъ крайне трудно и тяжело было согласиться съ этимъ мнѣніемъ Никона, признать его справедливымъ. Русскія церковныя книги, обряды и чины испорчены: но кѣмъ, когда и съ какою цѣлю? Вотъ вопросы, которые необходимо возникали въ умѣ русскаго человѣка, и на которые онъ никакъ не могъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. На Руси не было, какъ въ Греціи, ни царей еретиковъ, ни верховныхъ іерарховъ отступниковъ, никакая ересь ни разу не царила на Руси, православіе всегда и всѣмъ признавалось въ ней неизмѣнно, Русь именно гордилась тѣмъ, что разъ принятое ея православіе она всегда хранила твердо, безъ малѣйшихъ измѣненій. Кому же теперь и для какой цѣли понадобилась порча русскихъ церковныхъ книгъ, въ которыя всѣ вѣрили, которыя въ глазахъ русскихъ всегда были такъ святы и непререкаемы, что они не рѣшались измѣнить въ нихъ даже единой буквы,

учили, что православному человѣку слѣдуетъ умирать за едину букву азъ, если она будетъ измѣнена въ его священныхъ книгахъ. А между тѣмъ, если вѣрить Никону, оказалось, что русскіе, учившіе православныхъ умирать за едину букву азъ, какъ то странно незамѣтили порчи всѣхъ своихъ богослужебныхъ книгъ, не замѣтили, какъ въ нихъ вошли неправые, нововводные чины и обряды. Когда же въ самомъ дѣлѣ и какъ могло случиться это непонятное и странное явленіе? На этотъ вопросъ русскій не находилъ отвѣта ¹⁾. Указаніе на то, что русскія церковныя книги, чины и обряды испортило, исказило вѣковое русское невѣжество, конечно ровно ничего не объясняло, потому что невѣжество могло только объяснить появленіе въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ разныхъ описокъ и неважныхъ погрѣшностей въ текстѣ, произшедшихъ отъ неумѣлой или невнимательной переписки книгъ, но никакъ не могло объяснить появленія въ книгахъ неправыхъ, нововводныхъ чиновъ и обрядовъ, такъ какъ для этого требовалось уже творчество и, во всякомъ случаѣ, серьезная передѣлка существовавшихъ тогда церковныхъ чиновъ и обрядовъ на новый ладъ, — дѣло настолько замѣтное и крупное, что оно никакъ не могло пройти незамѣченнымъ, особенно въ русскомъ обществѣ, всегда крайне чуткомъ къ малѣйшимъ обрядовымъ перемѣнамъ.

Не умѣя объяснить порчу книгъ русскихъ, не представляя себѣ самой возможности этой порчи, русскіе естественно задавались вопросамъ: да дѣйствительно - ли справедливо, что испорчены именно русскіе книги? Невѣроятно - ли будетъ предположить, что испорчены не русскія, а греческія книги? Многие говорили русскому за справедливость послѣдняго предположенія. Онъ невольно вспоминалъ, при такомъ предположеніи, о господствѣ въ Константинополѣ латинянь — крестоносцевъ, объ уклоненіи греческаго императора, патри-

¹⁾ Дьяконъ Федоръ, напримѣръ, поэтому случаю говорить въ своей челобитной государю: „а во твоёмъ государствѣ небывало еретиковъ прежде, кон бы святыя книги превращали и противныя въ нихъ догматы вносили“. Въ посланіи изъ Пустозерска къ сыну своему Максиму Федоръ пишетъ: „аще бы на Москвѣ приложили (въ символѣ) истиннаго: кто приложилъ именемъ — царь-ли, или святитель кой? и въ кое лѣто? и како тому прилагатау церковь премолача о прилогѣ? И аще вси люди мертвы быша въ то время: тогда буди тако, яко спящимъ всѣмъ людямъ на Москвѣ и приложи вѣкто истиннаго и утече нѣгдѣ“ (Матер. V, 41, 154).

арха и многихъ іерарховъ въ унию, о завоеваніи Константинополя турками, когда латиняне, будто бы скупивъ греческія книги, сожгли ихъ, и напечатали, на мѣсто сожженныхъ, новыя, ими передѣланныя, въ какомъ видѣ греческія книги продолжаютъ печататься и до селѣ въ Венеціи и другихъ иновѣрныхъ земляхъ; о томъ, что въ теперешнихъ греческихъ книгахъ, по сознанію и заявленіямъ самихъ грековъ, находится лютое еретическое зелье, внесенное въ нихъ латинянами и лютеранами; о греческихъ ученыхъ, которые получали образованіе въ латинскихъ школахъ, гдѣ многіе изъ нихъ заражались латинствомъ и т. под. Если, такимъ образомъ, для многихъ русскихъ была рѣшительно непонятна и необъяснима порча книгъ русскихъ, то наоборотъ, легко и удобно для нихъ объяснялась порча книгъ греческихъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что очень многіе русскія оказались болѣе склонными признать испорченными греческія книги, а не русскія. Но въ такомъ случаѣ, что же это значить, что самъ верховный архипастырь русской церкви торжественно, въ слухъ всѣхъ на соборѣ провозглашаетъ русскіе книги испорченными, нѣкоторые русскіе церковныя чины и обряды неправыми и нововводными? Какъ объяснить это странное, доселѣ никогда невиданное на Руси явленіе, что верховный глава русской церкви открыто хулить и порицаетъ ея церковныя книги, чины и обряды, и наоборотъ хвалить греческіе, про которые всѣмъ хорошо извѣстно, что они испорчены позднѣйшими новшествами, тѣмъ болѣе что очень недавно самъ Никонъ заявлялъ своимъ бывшимъ друзьямъ, что гречане потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ?... Члены кружка ревнителей, разсланные Никономъ по различнымъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи, но сохранившіе съ Москвою и между собою связь и общеніе, взялись отвѣтить на указанные мудреные и недоумѣнные вопросы, взялись разяснить всѣмъ смыслъ того, что происходило тогда на Москвѣ. Изъ всѣхъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, куда только Никонъ успѣлъ загнать своихъ бывшихъ друзей, вслухъ всего народа слышалась одна и таже грозная, смутившая всю Русь, рѣчь: на кааедрѣ великихъ святителей и чудотворцевъ московскихъ сидитъ теперь измѣнникъ православію, хулитель русской церкви и русскаго благочестія, человекъ, задумав-

шій страшное, злое дѣло — замутить и совсѣмъ раззорить русское благочестіе, искоренить чистую, доселѣ никѣмъ еще непохуленную русскую православную вѣру. Подъ предлогомъ церковныхъ исправленій онъ рѣшился ввести на Руси различныя латинскія новшества и ереси, которымъ онъ научился отъ грековъ. При немъ, въ качествѣ со вѣтника, и сейчасъ находится всѣмъ вѣдомый еретикъ, сосланный за ересь на Соловки, грекъ Арсеній, его Никонъ взялъ изъ Соловокъ, держитъ при себѣ и поручаетъ ему — всѣмъ вѣдомому еретикъ, править русскія церковныя книги, въ которыя тотъ и вноситъ разныя ереси. Извѣстные ревнители благочестія и поборники его, протопопы: Нероновъ, Аввакумъ, Логгинъ, Дашиль, съ самого уже начала увидѣли и поняли злыя намѣренія Никона и, движимые ревностію по вѣрѣ, смѣло обличали его нечестіе, его злые умыслы, за что и подверглись отъ отступника разнымъ казнямъ и заточенію. Теперь Никонъ, освободившись отъ смѣлыхъ и омысныхъ для него обличителей, приводитъ на Москвѣ въ исполненіе, съ помощію окружающихъ его грековъ и малороссовъ, задуманное имъ дѣло — искоренить чистое православіе на Руси, не опасаясь болѣе помѣхи своему дѣлу со стороны разогнанныхъ имъ ревнителей благочестія. И вотъ отъ ссыльныхъ членовъ кружка ревнителей раздался по всей Россіи призывъ къ истинно вѣрующимъ и ревнующимъ объ истинномъ благочестіи возстать на защиту православной вѣры и церкви отъ покушенія на нихъ, отступника Никона партіарха, призывъ на энергичную смѣлую борьбу съ этимъ еретикомъ. Спокойная и безмятежная доселѣ Русь, беззавѣтно вѣрившая въ полную истинность и спасительность содержаемаго ею благочестія, сильно и глубоко заволновалась подъ вліяніемъ рѣчей и призывовъ кружка ревнителей. Почва, которую русскій человѣкъ привыкъ считать столь твердою и неизблемою, неожиданно сильно заколебалась подъ его ногами и онъ не зналъ, куда ему слѣдуетъ направиться, чтобы окончательно не сбиться съ пути и совсѣмъ не погибнуть. На Москвѣ царь, партіархъ и всѣ власти приказываютъ ему идти по указанному ими пути, тогда какъ извѣстные и уважаемые всѣми знатоки и ревнители правой вѣры и благочестія толкаютъ его на совершенно иной путь, противоположный первому: куда идти,

къ кому пристать? Смысль и цѣли намѣчаемой Никономъ реформы, для громаднаго большинства, были рѣшительно не понятны. Сознанія серьезной поврежденности и испорченности нашихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ у большинства тогдашняго общества вовсе не существовало, а существовало убѣжденіе какъ разъ противоположное. Поэтому реформа Никона, начатая и веденная имъ безъ всякой предварительной подготовки къ ней общества, даже съ прямымъ пренебреженіемъ къ его мнѣніямъ и пониманію, необходимо казалось большинству какимъ-то личнымъ, произвольнымъ дѣломъ одного только Никона, начатымъ по какимъ-то непонятнымъ, стороннимъ побужденіямъ, можетъ быть даже и не совсѣмъ чистымъ, какъ объ этомъ говорятъ, на что указываютъ извѣстные ревнители. Большинство - масса, всегда подозрительная ко всякимъ перемѣнамъ стараго, привычнаго, освященнаго вѣками, всегда враждебно встрѣчающая все непонятное ей новое, разрушающее излюбленную старину, а къ крутымъ и рѣзкимъ перемѣнамъ въ религиозной жизни всегда относящаяся и прямо враждебно, охотно вѣрила тѣмъ разъясненіямъ смысла реформы Никона, какой давали ей члены кружка ревнителей. Они, въ этомъ случаѣ, стояли на прочной почвѣ народныхъ историческихъ воззрѣній, опирались на авторитетъ всѣмъ дорогой и понятной родной старины, они были носителями и выразителями національных горделивыхъ представленій русскихъ о своемъ особомъ историческомъ призваніи, какъ избраннаго народа Божія, только въ средѣ котораго и удержалась теперь и правая вѣра, и истинное благочестіе, потерянные всѣми другими народами. Поэтому, большинство, даже верхи, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, искренно сочувствовало членамъ кружка ревнителей, болѣе расположено было къ нимъ, нежели къ суровому, очень крутому и мало понятному реформатору Никону. Въ его пользу, конечно, говорилъ привычный авторитетъ власти, но противъ него все, чѣмъ доселѣ жила, что доселѣ думала, въ чемъ глубоко была убѣждена и къ чему стремилась Русь, исключая самаго незначительнаго меньшинства, притомъ появившагося только уже въ самое послѣднее время. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если Русь, между двумя указываемыми ей путями, не сумѣла выбрать одного, какъ несомнѣнно вѣрнаго, но раскололась

на двѣ половины, изъ которыхъ каждая пошла теперь своимъ особымъ путемъ.

На соборѣ 1654 года Никонъ постарался намѣчаемую имъ церковную реформу выдать за дѣло представителей всей русской церкви, показать, что его реформаторская дѣятельность опирается на согласіе и одобреніе цѣлаго собора, а не есть только его личное дѣло, или дѣло небольшого кружка лицъ, хотя бы очень сильныхъ и великую власть имѣющихъ. Но этимъ Никонъ далеко не достигъ своей цѣли, — оппозиція его реформамъ нисколько не была ослаблена соборомъ 1654 года.

Дѣло въ томъ, что соборъ 1654 года уполномочивалъ Никона произвести исправленіе замѣченныхъ имъ погрѣшностей въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ на основаніи старыхъ харатейныхъ книгъ славянскихъ и греческихъ, а вовсе не на основаніи печатныхъ заграничныхъ греческихъ книгъ, или на основаніи современной греческой церковной практики, по указаніямъ и подъ руководствомъ современныхъ грековъ. Во всѣхъ отвѣтахъ на вопросы и указанія Никона, соборъ очень ясно и опредѣленно заявлялъ, что тѣ или другія погрѣшности „достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“; или: „и рече соборъ положить противъ древнихъ уставовъ“, т. е. соборъ желалъ и уполномочивалъ Никона производить исправленія по древнимъ славянскимъ переводамъ и по древнимъ греческимъ спискамъ такъ, чтобы эти исправленія опирались исключительно на греческую и русскую старину, а вовсе не на современную только греческую церковную практику. Затѣмъ, соборъ не уполномочивалъ Никона производить реформы въ той области обряда, которая ранѣе была ограждена отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго собора (двуперстіе, двоеніе аллилуйи), хотя этотъ русскій обрядъ и расходился съ тогдашнимъ греческимъ обрядомъ. А между тѣмъ Никонъ сталъ потомъ исправлять наши церковныя книги по греческимъ венеціанскимъ изданіямъ, наши церковныя чины и обряды на основаніи современной ему практики греческой церкви, по указаніямъ и подъ руководствомъ разныхъ случайныхъ заѣзжихъ въ Москву гречанъ, сталъ, опираясь на грековъ, измѣнять и передѣлывать и тотъ обрядъ, который былъ огражденъ отъ всякихъ перемѣнъ клятвою Стоглаваго

собора. Ясное дѣло, что Никонъ, въ своей послѣдующей реформаторской дѣятельности вовсе не стоялъ на почвѣ строго соборныхъ полномочій 1654 года, и всякая попытка въ послѣдующей дѣятельности Никона видѣть только приложение полномочій, данныхъ ему на соборѣ 1654 года, будетъ просто натяжкою, не оправдываемою самымъ ходомъ дѣлъ.

И по другимъ обстоятельствамъ соборъ 1654 года не могъ произвести на противниковъ Никона никакого особаго впечатлѣнія, способнаго удержать ихъ отъ противодѣйствія реформамъ Никона. Если мы и поймемъ постановленія собора 1654 года въ смыслѣ вполнѣ благопріятномъ для Никона, то и въ такомъ случаѣ, въ глазахъ его противниковъ, эти соборныя постановленія теряли свое значеніе, такъ какъ онѣ, по ихъ мнѣнію, служили выраженіемъ не голоса всей церкви, а только личныхъ взглядовъ Никона. Недаромъ конечно Нерововъ въ челобитной государю 1654 года настаивалъ, чтобы въ Москвѣ, для обсуждения и рѣшенія всѣхъ возникшихъ церковныхъ дѣлъ, собранъ былъ соборъ— „не сонмище іудейско“, а соборъ истинный, настоящій, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, книжными знаніями отличающіеся священники и діаконы, всякаго чина мірскіе люди, заявившіе себя добродѣтельною жизнію, иноки живущіе въ пустыняхъ, науку имѣющіе отъ божественнаго писанія“ и прославившіеся святостію своей жизни, чтобы такимъ образомъ на соборѣ могъ выразиться, и притомъ свободно, безъ всякихъ стѣсненій, голосъ всей церкви, а не голосъ искусственно подобранныхъ лицъ, вовсе не выражавшихъ голоса всей церкви. А между тѣмъ Никонъ собралъ соборъ только изъ такихъ лицъ, отъ которыхъ не ожидалъ себѣ никакого противорѣчія, которые дрожали предъ всемогущимъ патріархомъ и не отваживались на заявленіе своихъ, неугодныхъ ему мнѣній; они только угодливо выслушивали мнѣнія патріарха и безприкословно подписывались подъ продиктованными имъ рѣшеніями. Поэтому на соборѣ не было собственно никакихъ обсужденій и преній, какъ бы слѣдовало, а все рѣшалось по желанію и въ угоду всемогущему, не терпѣвшему никакихъ противорѣчій патріарху. На соборѣ, кромѣ подбора извѣстныхъ лицъ, предприняты были и особыя мѣры, чтобы рѣшеніе поставленныхъ Никономъ вопросовъ, совершилось

обязательно въ извѣстномъ напередъ Никономъ и царемъ предрѣшенномъ смыслѣ, какъ это видно изъ самыхъ соборныхъ дѣяній. Въ нихъ разсказывается, что когда Никонъ спрашивалъ соборъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовати, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и устаеъ показываютъ“? то „великій государь царь... преосвященные митрополиты... *всѣ едино отъцами*: достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Значить, на соборѣ 1654 года царь первый подаетъ голосъ, а за нимъ и всѣ другіе, за такое или иное рѣшеніе поставленнаго Никономъ вопроса, и царь дѣлаетъ такой необычный для него поступокъ конечно съ особою цѣлю, чтобы своимъ подавляющимъ царскимъ авторитетомъ предупредить со стороны собора возможность отрицательнаго отвѣта на поставленный Никономъ вопросъ. Расчетъ былъ вѣрный. Если самъ царь первый подалъ на соборѣ голосъ въ смыслѣ необходимости совершить исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ; то, конечно, другіе члены собора уже не отваживались дать отвѣтъ, несогласный съ заявленнымъ государемъ; это значило бы открыто идти противъ ясно и публично выраженнаго желанія царя. Очевидно, голосъ государя подсказалъ отцамъ собора, что и какъ имъ слѣдуетъ отвѣтить на поставленный имъ Никономъ вопросъ, и всѣ они дѣйствительно послѣдовали за царемъ, благодаря чему вопросъ о церковной реформѣ принципиально рѣшенъ былъ соборомъ такъ, какъ этаго желалъ царь, предварительно, конечно, согласившійся съ Никономъ, какъ имъ слѣдуетъ дѣйствовать на соборѣ, чтобы достигнуть ранѣе намѣченной цѣли. Правда, присутствовавшій на соборѣ епископъ Павелъ Коломенскій, отважился было заявить свое несогласное съ патріархомъ мнѣніе о поклонахъ, ссылаясь на имѣющіяся у него два свитка. Но Павелъ жестоко долженъ былъ поплатиться за свою дерзость, за свою попытку выражать на соборѣ свое собственное сужденіе о дѣлѣ, несогласное съ мнѣніемъ патріарха. Быстрая и очень крутая расправа Никона съ епископомъ Павломъ Коломенскимъ убѣдила всѣхъ, что Никонъ не терпитъ никакихъ заявленій, несогласныхъ съ его взглядами, что онъ готовъ жестоко покарать всякаго, кто бы отважился, хотя бы и на соборѣ, противорѣчить

ему, и что царь, въ этомъ случаѣ, не защититъ смѣлаго человѣка отъ расправы съ нимъ суроваго патріарха.

Соборъ 1654 года не только ничѣмъ не умалилъ значенія и силы кружка ревнителей, но даже еще болѣе усилилъ его. Кружекъ, благодаря этому собору, сдѣлалъ очень важное и видное пріобрѣтеніе: на его сторону, вопреки Никону, открыто и рѣшительно сталъ Коломенскій епископъ Павелъ, обстоятельство для кружка очень важное. Доселѣ кружекъ былъ какой-то безголовый, ему сильно вредило то, что онъ состоялъ изъ однихъ протопоповъ и вообще членовъ низшаго іерархичесаго ранга. На него доселѣ можно было смотрѣть какъ на кружекъ такихъ лицъ, которые, по гордости и самомнѣнію, возмутились противъ своихъ прямыхъ начальниковъ, которые своею показною ревностію о благочестіи только прикрываютъ властолюбивыя, эгоистическія стремленія,—ни одного архіерея нѣтъ на ихъ сторонѣ, всѣ высшія законныя власти противъ нихъ. Но вотъ на сторону кружка открыто становится епископъ, конечно потому, что видитъ въ членахъ кружка не простыхъ безчинниковъ и бунтовщиковъ противъ властей, а представителей и защитниковъ истины противъ покушеній на нея со стороны патріарха. Къ простымъ бунтовщикамъ противъ архіерейской власти епископъ, самъ власть, пристать очевидно не могъ, тѣмъ болѣе, что своимъ присоединеніемъ къ кружку протестантовъ онъ не только ничего не выигрывалъ, а наоборотъ все проигрывалъ, такъ какъ такой шагъ неминуемо навлекалъ на него гнѣвъ всемогущаго и суроваго патріарха, о которомъ уже хорошо было извѣстно, какъ онъ раздѣляется съ своими противниками. Отсюда понятно, какое важное пріобрѣтеніе сдѣлалъ кружекъ ревнителей, пріобшивъ къ себѣ епископа Павла Коломенскаго, понятно также и то негодованіе, тотъ гнѣвъ Никона на епископа, перешедшаго открыто на сторону его враговъ и этимъ поступкомъ придавшаго кружку большую устойчивость и авторитетность въ глазахъ всего общества.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ соборъ 1654 года, не смотря на свою формальную правильность, терялъ однако свое значеніе и силу въ глазахъ протестантовъ, не производилъ на нихъ того впечатлѣнія, на которое рассчитывалъ было Никонъ. Послѣдній долженъ былъ сознаться, что со-

боръ 1654 года далеко не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ, что опираясь на постановленія только этаго собора, нельзя было съ успѣхомъ провести намѣченную реформу такъ какъ даже и между архіереями у него нашелся противникъ, который сталъ открыто на сторону кружка ревнителей. Молчаливое и очень условное согласіе на реформу другихъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1654 года, не предвѣщало ему въ будущемъ ничего добраго ¹⁾. Вести далѣе реформу опираясь только на свою громадную власть и тотъ страхъ, который онъ внушалъ всѣмъ, было бы дѣломъ слишкомъ рискованнымъ. Въ виду этого Никонъ рѣшился опереться на авторитетъ восточныхъ патріарховъ, и проводить свои реформы уже подъ ихъ высшей санкціей такъ, чтобы онѣ являлись выраженіемъ мысли и пониманія всей восточной православной церкви, а противленіе имъ, было бы противленіемъ всей православной церкви. Что на православномъ востокѣ его реформы найдутъ полное одобреніе и поддержку, въ этомъ Никонъ не сомнѣвался, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по совѣту и въ духѣ грековъ, имѣлъ въ виду русскій чинъ и обрядъ привести въ соотвѣтствіе съ современнымъ греческимъ, чѣмъ онъ наносилъ смертельный ударъ горделивымъ представленіямъ русскихъ о своемъ всецѣломъ религіознымъ превосходствѣ надъ современными греками, и снова возвращалъ русскихъ къ признанію ими авторитета грековъ въ своихъ церковныхъ дѣлахъ.

Н. Кантеревъ.

¹⁾ Что соборъ 1654 года возбуждалъ недоумѣнія и въ послѣдующее время, это, между прочимъ, видно изъ того, что соборъ 1666 года, предъ началомъ своихъ засѣданій, счелъ нужнымъ предварительно поставить такой вопросъ: „соборъ, бывшій въ богоспасаемомъ преименованомъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея р. и м. и б. Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его снискитѣ, подписанный священныхъ руками, *какъ исповѣдати мынѣ намъ долженствуетъ*, иже содѣяна въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ по плоти же рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа въ лѣто 1654-е?“. Уже самая нужда ставить подобный вопросъ показываетъ, что въ 1666 году, относительно собора 1654 года, въ средѣ нашихъ іерарховъ могли встрѣтиться недоумѣнія.